UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322844 2

Brusov, Valerii Iakovlevich

1

12

Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

Томъ IV

Stephanos.—Всѣ Напѣвы (I часть)

(Стихи 1905—1909 г.)

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1914

LIBRARY
AUG 9 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B7
1913a
t. 4

ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изд.).
ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).
ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книга III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изд.). Спб. 1914 г. Стр. 294.
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Часть I. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Далекіе и близкіе. Часть II. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное, съ 15-ю портретами). Спб. 1914 г. Стр. 296 + XVII.
ТОМЪ 22. Поль Вэрленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхаренъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 руб. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 3 рубля и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой, книги высылаются налож. платежемъ; пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ", СПБ., Пушкинская, 10.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ IV

X761394
Op28054

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Типографія М. М. Стасюлевича.
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТОМАМЪ IV И V.

Томы IV и V моего „Собранія сочиненій“ заняты сборниками стиховъ: „Stephanos“ (3-ье изд.), „Всѣ Напѣвы“ (2-е изд.) и „Зеркало Тѣней“ (2-е изд.). Такъ какъ всѣ эти книги были впервые изданы сравнительно недавно (въ 1905, 1909 и 1912 г.), я не счелъ возможнымъ сколько-нибудь значительно дополнить ихъ стихами, въ свое время въ эти сборники не включенными. Возстановлены только 3 стихотворенія, напечатанныя въ 1 изд. сборника „Stephanos“ и выпущенныя въ его 2 изд. („Пути и Перепутья“, т. II, М. 1908), и присоединено 7 стихотвореній, не напечатанныхъ раньше по причинамъ случайнымъ. Въ Приложеніи, по примѣру предыдущихъ томовъ, помѣщено нѣсколько отрывковъ, которыхъ мнѣ завершить не удалось.

Валерій Брюсовъ.

1914.

STEPHANOS

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВЪ

1904—1905

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Вячеславу Иванову,

поэту, мыслителю, другу.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

I.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

Когда впервые, въ годы блага,
Открылся мнѣ священный міръ,
И я со скалъ Архипелага
Заслышалъ зовъ истлѣвшихъ лиръ,

Когда опять во мнѣ возникла
Вся рать, мутившая Скамандръ,
И дерзкій вскормленникъ Перикла,
И завершитель Александръ,—

Въ душѣ зажглась какая вѣра!
Съ какимъ забвеніемъ я пилъ
И нектаръ сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхилъ!

Какъ путникъ надъ разверстой бездной,
Надъ тайной двадцати вѣковъ,
Стремилъ я руки безполезно
Къ былымъ тѣнямъ, какъ въ область сновъ.

Но путь былъ долгъ, сердце слѣпло,
И зоркость грезъ мрачили дни,

Лишь глубоко подъ грудой пепла
Той вѣры теплились огни.

И вотъ, въ столицѣ жизни новой,
Гдѣ всѣхъ стремящихъ силъ просторъ,
Ты мнѣ предсталъ: и жрецъ суровый
И вѣчно юный тирсофоръ!

Какъ страненъ въ шумѣ нашихъ споровъ,
При нашей ярой слѣпотѣ,
Напѣвъ твоихъ побѣдныхъ хоровъ
Къ неумиравшей красотѣ!

И нашу сѣверную лиру
Сведя на эолійскій звонъ,
Ты возвращаешь мнѣ и міру
Родной и близкій небосклонъ!

1904.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

De la musique avant toute chose.

P. Verlaine.

I.

ПРИВѢТСТВІЕ.

Поблекъ предзакатный румянецъ.
На нитяхъ серебряно-тонкихъ
Жемчужныя звѣзды повисли,
Внизу—ожерелье огней,
И пляшутъ вечернія мысли
Размѣренно-радостный танецъ
Среди еле слышныхъ и звонкихъ
Напѣвовъ встающихъ тѣней.

Полміра, подъ таинствомъ ночи,
Вдыхаетъ стихійныя чары
И слушаетъ тѣ же напѣвы
Во храмѣ разверстыхъ небесъ.
Дрожатъ, обезсилѣвши, дѣвы,
Цѣлуютъ ихъ юноши въ очи,
И мучатъ безумныхъ кошмары
Стремительнымъ вихремъ чудесъ.

Вамъ всѣмъ, этой ночи причастнымъ,
Со мной въ эту бездну глядѣвшимъ,
Искавшимъ за поясомъ млечнымъ
Священнымъ вопросамъ отвѣтъ,

Сидѣвшимъ на пирѣ безпечномъ,
На ложѣ предсмертномъ нѣмѣвшимъ,
И нынче, въ бреду сладострастномъ,
Всѣмъ зачатымъ жизнямъ—привѣтъ!

17 18 февраля 1904.

II.

Воздухъ становится синимъ,
Словно разрѣженный дымъ...
Часъ упоительно мирный
Мы успокоенно минемъ,
Близясь къ часамъ роковымъ.

Выгнулся куполъ эѳирный;
Движется мѣрно съ Востока
Тѣнь отъ ночного крыла;
Въ безднѣ бездонно-глубокой
Все откровенное тонетъ,
Всюду—лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валомъ безсильныхъ огней?
Черные всадники гонятъ
Черныхъ быковъ милліоны,—
Стадо полночныхъ тѣней!

1904.

III.

День вечерѣлъ. Мы были двое.

Ѳ. Тютчевъ.

Помню вечеръ, помню лѣто,
Рейна полныя струи,
Надъ померкшимъ старымъ Кёльномъ
Золотые нимбы свѣта,
Въ этомъ храмѣ богомольномъ—
Взоры нѣжные твои...

Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
Пѣсню милой старины.
Звуки, вѣтромъ тиховѣйнымъ
Донесенные, слабѣли,
И сливались, тамъ, надъ Рейномъ,
Съ робкимъ ропотомъ волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вѣчность или часъ!
Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
Намъ казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

1904.

IV.

ТУМАНЪ.

Вдоль тихаго канала
Склоняютъ вѣтви ивы.
Дорога льнетъ къ водѣ,
Но тѣни торопливы,
И чу! ночная птица
Кричитъ привѣтъ звѣздѣ.

Вдоль тихаго канала
Проходитъ вереница
Поникшихъ бѣлыхъ дѣвъ.
Онѣ идутъ устало,
Закрывъ вуалью лица
И станъ фатой одѣвъ.

Изъ тихаго канала,
Какъ бѣлыя громады,
Встаютъ ряды коней,
И всадники ихъ рады
Дышать вечерней влагой,
Спѣшатъ скорѣй, скорѣй!

Вдоль тихаго канала
Летятъ лихой ватагой
И манятъ дѣвъ съ собой,
Имъ руки простираютъ—
И бѣлый плащъ свиваютъ
Съ ихъ бѣлою фатой!

1903.

V.

ГОЛОСЪ ПРОШЛАГО.

Вьетъ дорога на деревни
Зеленѣющимъ овсомъ,
И поетъ мнѣ голосъ древній,
Колокольчикъ, о быломъ.

Словно въ прошлое глядится
Мѣсяцъ, вставшій надъ рѣкой,
И янтарный ликъ двоится:
Онъ и тотъ же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечеръ, и овесъ,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донесъ.

Какъ въ туманѣ все поблекло,
На минувшихъ годахъ тѣнь...
Такъ едва мерцаютъ стекла
Удаленныхъ деревень.

Все темнѣе. Кто томится
Въ смутной пѣснѣ подъ дугой?
Словно въ прошлое глядится
Ликъ янтарный надъ рѣкой.

1904.

VI.

ОХОТНИКЪ.

Надъ бредомъ предзакатныхъ маревъ,
Надъ трауромъ вечернихъ тучъ,
По ихъ краямъ огнемъ ударивъ,
Возносится послѣдній лучъ.

И, глуби черныя покинувъ,
Въ лазурный день изъ темноты
Взлетаетъ яркій рой павлиновъ,
Раскрывъ стоцвѣтные хвосты.

А Ночь, охотникъ съ вѣрнымъ лукомъ,
Кладетъ на тетиву стрѣлу.
Она взвилась съ протяжнымъ звукомъ,
И птица падаетъ во мглу.

Весь выводокъ сразили стрѣлы...
Отъ пестрой стаи нѣтъ слѣда...
На западъ, слѣпо потемнѣлый,
Глядитъ Восточная Звѣзда.

1904.

VII.

ЦѢЛЕНІЕ.

Цѣлитъ вечернее безволіе
Мечту смятенную мою.
Лучей дневныхъ не надо болѣе,
Всю тусклость мига признаю!

Пускай темнѣютъ дали синія,
Я не зажгу во тьмѣ свѣчи:
Въ душѣ ни смѣха, ни унынія...
Ты, голосъ памяти,—молчи!

Обвили сладостными платами
Мнѣ тѣни дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Надъ взоромъ тягостная муть.

Идутъ часы—мгновенья сѣрыя,
Царитъ всевластно темнота...
Иль позабытъ во мглѣ пещеры я,
И все что было—лишь мечта?

Иль я лишь прахъ, во гробѣ тающій,
Я—чей-то призракъ въ блѣдной мглѣ,
Къ давно-минувшему взывающій
И всѣмъ безвѣстный на землѣ!

1904.

VIII.

ТИШИНА.

Вечеръ мирный, безмятежный
Кротко намъ взглянулъ въ глаза,
Съ грустью тайной, съ грустью нѣжной...
И въ душѣ подъ тихимъ вѣтромъ
Накренились паруса.

Даръ случайный, даръ мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Надъ равниной вѣчно пѣнной,
Надъ прибоемъ, надъ буруномъ,
Звѣзды первыя зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змѣи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
Въ зыби волнъ огни луны.

Не уйти намъ, не уйти намъ
Изъ серебряной черты!
Мы—горимъ въ кольцѣ змѣиномъ,
Мы—два призрака въ сіяньи,
Мы—двѣ тѣни, двѣ мечты!

1905.

IX.

ПЕРВЫЯ ВСТРѢЧИ.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,

Всѣ слова, какія мучатъ воспаленныя уста,
Въ часъ, когда безстыдству учатъ—темнота и нагота!

Изъ восторговъ и уныній я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ родной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышатъ тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновеній вновь былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользающихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный взглядъ...
Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ!

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность! лишь любовь!

1904.

X.

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Вѣтеръ печальный,
Многострадальный,
Съ лаской прощальной
Вѣтви клоня,
Свѣялъ хрустальный
Дождь на меня.

Тѣнью зеленой
Липъ осѣненный,
Я, окропленный
Майскимъ дождемъ,—
Жрецъ преклоненный
Предъ алтаремъ.

День миновавшій,
Свѣтъ отсіявшій,
Дождь пробѣжавшій,—
Гимнъ этотъ—вамъ!
Вечеръ наставшій,
Властвуй, какъ храмъ!

Ливень весенній
Смолкъ. Безъ движеній
Первыя тѣни
Въ тихой дали.
Часъ примиреній
Съ миромъ земли!

1905.

НА САЙМѢ.

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная...

Вл. Соловьевъ.

I.

Меня, искавшаго безумій,
Меня, просившаго тревогъ,
Меня, ввѣрявшагося думѣ
Подъ гулъ колесъ, въ столичномъ шумѣ,
На тихій берегъ бросилъ Рокъ.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осѣня,
Смирила буйную мятежность,
Мнѣ даровала миръ и нѣжность
И вкрадчиво влилась въ меня.

И между сосенъ тонкоствольныхъ,
На фонѣ тайны голубой,
Какъ зовъ отъ всѣхъ томленій дольныхъ,—
Залогъ признаній безглагольныхъ,—
Возникъ твой обликъ надо мной!

1905.

II.

Желтымъ шолкомъ, желтымъ шолкомъ
По атласу голубому
Шьютъ невидимыя руки.
Къ горизонту золотому
Ярко-пламеннымъ осколкомъ
Сходитъ солнце въ часъ разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убираетъ кто-то дали,
Разстилая багряницы,
И въ водѣ желто-лазурной
Заметались, заблистали
Красно-огненныя птицы.

Но серебряныя змѣи,
Извивая подъ лучами
Спинъ лучистые зигзаги,
Безпощадными губами
Ловятъ, ловятъ все смѣлѣе
Птицъ, мелькающихъ во влагѣ!

1905.

III.

Въ дали, благостно сверкающей,
Вечеръ быстро бисеръ нижетъ.
Валъ, несмѣло набѣгающій,
Съ влажной лаской отмель лижетъ.

Ропотъ ровный и томительный,
Плескъ безпѣнный, шумъ прибоя,
Голосъ сладко убѣдительный,
Зовъ смиренья, зовъ покоя.

Сосны, сонно онѣмѣлыя,
Въ блѣдномъ небѣ встали четко,
И надъ ними тѣни бѣлыя
Молча гаснутъ, таютъ кротко.

1905.

IV.

Мохъ, да верескъ, да граниты...
Чуть шумитъ сосновый боръ.
Съ поворота вдругъ открыты
Дали синія озеръ.

Какъ коверъ надъ легкимъ склономъ
Нѣжный папоротникъ сплелъ
Чу! скрипитъ съ протяжнымъ стономъ
Наклоненный бурей стволъ.

Сколько мощи! сколько лѣни!
То гранитъ, то мягкій мохъ...
Набѣгаетъ ночь безъ тѣни,
Вѣя, словно вѣщій вздохъ.

1905.

V.

Я—упоенъ! мнѣ ничего не надо!
О, только-бъ длился этотъ ясный сонъ.
Тянулись тѣни сѣвернаго сада,
Сіялъ осенне-блѣдный небосклонъ,

Качались волны, шитыя шелками,
Лиловымъ, краснымъ, желтымъ, золотымъ,
И, проблиставъ надъ синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дымъ,

И падало безумье бѣлой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой—и ты,
Моимъ глазамъ свои ввѣряя очи,
Смущаясь и томясь искала-бъ темноты!

1905.

VI.

Мы въ лодкѣ вдвоемъ, и ласкаетъ волна
Насъ робкимъ и зыбкимъ качаньемъ.
И въ небѣ и въ насъ безъ конца тишина,
Насъ вечеръ встрѣчаетъ молчаньемъ.

И сердце не вѣритъ въ странѣ тишины,
Что здѣсь, надъ чертогами Ато,
Звенѣли мечи, и вожди старины
За сампо рубились когда-то.

И сердце не вѣритъ, дыша тишиной,
Ласкательнымъ миромъ Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось въ предсмертной истомѣ.

1905.

VII.

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, въ зноѣ,
Въ непогоду кроешь сны.

То, въ свинцовый плащъ одѣто,
Сосны хмуришь ты, какъ бровь;
То горишь лучами свѣта,
Отъ заката ждешь отвѣта,
Все—истома, все—любовь!

То, надѣвъ свои алмазы,
Тихимъ ропотомъ зыбей,
Ты весь день ведешь разсказы
Про народъ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905.

VIII.

Воздухъ живительный, воздухъ смолистый
Я узнаю.
Свѣтъ не слѣпитъ, упоительный, чистый,
Словно въ раю.

Узкой тропинкой къ гранитамъ прибрежнымъ
Вышелъ, стою.
Нѣжу просторомъ, суровымъ и нѣжнымъ,
Душу мою.

Сосны недвижны на островѣ, словно
Въ дивномъ краю.
Тихія волны лепечутъ любовно
Сказку свою.

Вотъ гдѣ дозволило Божье пристрастье
Миръ бытію!
Вѣетъ такое же ясное счастье
Только въ раю.

1905. Raucha.

ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

Позналъ ты правду вѣчную кумировъ.

Ив. Коневской.

I.

КЪ ДЕМЕТРѢ.

Небо четко, небо сине,
Жгучій лучъ палитъ поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы вѣющаго вѣтра
Ищутъ, что̀ поцѣловать...
Низойди въ свой міръ, Деметра,
Воззови уснувшихъ, мать!

Глыбы взрыхленныя черны,
Ихъ вспоилъ весенній снѣгъ.
Гдѣ вы, дремлющія зерна,
Замышляйте свой побѣгъ!

Званы вы на пиръ вселенной!
Стебли къ солнцу устремя,
Къ жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И въ душѣ за ночью зимней
Тоже—свѣтъ, и тоже—тишь.

Что-жъ, душа, въ весеннемъ гимнѣ
Ты проснуться не спѣшишь?

Какъ засѣянное поле
Простираются мечты,
И въ огнистомъ ореолѣ
Солнце смотритъ съ высоты.

Брошенъ былъ порой осенней
И въ тебя богатый сѣвъ,—
Зерна страсти и мученій,
Всколоситесь какъ напѣвъ!

Время вамъ въ движеньяхъ метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди въ свой міръ, Деметра,
Воззови къ уснувшимъ, мать!

1904.

II.

АДАМЪ И ЕВА.

Ева.

Адамъ! Адамъ! приникни ближе,
Прильни ко мнѣ, Адамъ! Адамъ!
Свисаютъ вѣтви ниже, ниже,
Плоды склоняются къ устамъ.

Адамъ.

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисаютъ вѣтви справа, слѣва,
Плоды вонзаются въ уста.

Ева.

Адамъ! Адамъ! кто вѣтви клонитъ?
Кто клонитъ, слабую, меня?
Въ пѣвучихъ волнахъ тѣло тонетъ,
Твои касанья—изъ огня!

Адамъ.

Что жжетъ дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плодъ, упавшій съ древа,
Иль то твоя живая грудь?

Ева.

Адамъ! Адамъ! я—вся безвольна...
Гдѣ ты, гдѣ я?.. все—сонъ иль явь?
Адамъ! Адамъ! мнѣ больно, больно!
Пусти меня—оставь! оставь!

Адамъ.

Такъ надо, надо, Ева! Ева!
Я—твой! Я—твой! Молчи! Молчи!
О, какъ сквозь вѣтви, справа, слѣва,
Потокомъ ринулись лучи!

Ева.

Адамъ! Адамъ! мнѣ стыдно свѣта!
О, что̀ ты сдѣлалъ? Что̀ со мной?
Ты позабылъ слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

Адамъ.

Какъ плодъ сорвалъ я, Ева, Ева?
Какъ раздавить его я могъ?
О вотъ онъ, знакъ Святого Гнѣва,—
Текущій красный, красный сокъ.

1905.

III.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА.

Орфей.

Слышу, слышу шагъ твой нѣжный,
Шагъ твой слышу за собой.
Мы идемъ тропой мятежной,
Къ жизни мертвенной тропой.

Эвридика.

Ты—ведешь, мнѣ—быть покорной,
Я должна итти, должна...
Но на взорахъ—облакъ черный,
Черной смерти пелена.

Орфей.

Выше! выше! всѣ ступени,
Къ звукамъ, къ свѣту, къ солнцу вновь!
Тамъ со взоровъ стаютъ тѣни,
Тамъ, гдѣ ждетъ моя любовь!

Эвридика.

Я не смѣю, я не смѣю,
Мой супругъ, мой другъ, мой братъ!
Я лишь легкой тѣнью вѣю,
Ты лишь тѣнь ведешь назадъ.

Орфей.

Вѣрь мнѣ! вѣрь мнѣ! у порога
Встрѣтишь ты, какъ я, весну!
Я, заклявшій лирой—бога,
Пѣсней жизнь въ тебя вдохну!

Эвридика.

Ахъ, что значатъ всѣ напѣвы
Знавшимъ тайну тишины!
Что весна,—кто видѣлъ сѣвы
Асфоделевой страны!

Орфей.

Вспомни, вспомни! лугъ зеленый,
Радость пѣсенъ, радость пляскъ!
Вспомни, въ ночи—потаенный
Сладко жгучій ужасъ ласкъ!

Эвридика.

Сердце—мертво, грудь—недвижна.
Что̀ вручу объятью я?
Помню сны,—но непостижна,
Другъ мой бѣдный, рѣчь твоя.

Орфей.

Ты не помнишь! ты забыла!
Ахъ, я помню каждый мигъ!
Нѣтъ, не сможетъ и могила.
Затемнить во мнѣ твой ликъ!

Эвридика.

Помню счастье, другъ мой бѣдный,
И любовь, какъ тихій сонъ...
Но во тьмѣ, во тьмѣ безслѣдной
Блѣдный ликъ твой затемненъ...

Орфей.

— Такъ смотри!—И смотритъ дико,
Вспять, во мракъ пустой, Орфей.
— Эвридика! Эвридика!—
Стонутъ отзвуки тѣней.

1904.

IV.

МЕДЕЯ.

На позлащенной колесницѣ
Она свергаетъ столу съ плечъ
И надъ дѣтьми, безумной жрицей,
Возноситъ изощренный мечъ.

Узду грызущіе драконы,
Взметая крылья, рвутся въ высь;
Сверкнулъ надъ ними бичъ червленый,—
Съ земли рванулись, понеслись.

Она летитъ, бросая въ долы
Куски окровавленныхъ тѣлъ,
И мчится съ нею гимнъ веселый,
Какъ туча зазвенѣвшихъ стрѣлъ.

„Вотъ онъ, вотъ онъ, вѣтеръ воли!
Здравствуй! въ уши мнѣ свисти!
Вижу бездну: море, поле—
Съ окрыленнаго пути.

„Мнѣ лишь снилось, что съ людьми я,
Сонъ любви и счастья сонъ!

Духъ мой, пятая стихія,
Снова сестрамъ возвращенъ.

„Я-ль, угодная Гекатѣ,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятій,
Сопрягающихъ тѣла?

„Мнѣ ли, мощью чародѣйства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать въ тиши семейства,
Какъ простой женѣ раба?

„Выше, звѣри! хмелемъ мести
Я дала себѣ вздохнуть.
Мой подарокъ—на невѣстѣ,
Жжетъ ей дѣвственную грудь.

„Я, дробя тѣла на части
И бросая на земь ихъ,
Весь позоръ послѣдней страсти
Отрясаю съ плечъ моихъ.

„Выше, звѣри! взвейтесь выше!
Не склоню я внизъ лица,
Но за моремъ вижу крыши,
Верхъ Ээтова дворца.“

Вожжи брошены драконамъ,
Круче въ воздухѣ стезя.
Поспѣшаютъ за Язономъ,
Обезумѣвшимъ, друзья.

Каждый шагъ—предъ нимъ гробница,
Онъ лобзаетъ красный прахъ...
Но, какъ огненная птица,
Золотая колесница
Въ дымно-рдяныхъ облакахъ.

1904.

V.

БАЛЬДЕРУ ЛОКИ.

Свѣтлый Бальдеръ! мнѣ навстрѣчу
Ты, какъ солнце, взносишь ликъ.
Чѣмъ лучамъ твоимъ отвѣчу?
Опаленный, я поникъ.
Я взбѣгу къ снѣгамъ, на кручи:
Ты смѣешься съ высоты!
Я взнесусь багряной тучей:
Какъ звѣзда сіяешь ты!
Припаду на тайномъ ложѣ
Къ алой ласковости губъ:
Ты метнешь стрѣлу,—и что̀ же!
Я, дрожа, сжимаю трупъ.

Но мнѣ явленъ Нертой мудрой
Призракъ будущихъ временъ.
На тебя, о златокудрый,
Лукъ волшебный наведенъ.
Въ часъ веселья, въ ясномъ полѣ,
Я слѣпцу вручу стрѣлу,—
Вскрикнешь ты отъ жгучей боли,
Вдругъ повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь къ зловѣщимъ снамъ,—
Я предамъ, со смѣхомъ, тѣло
Всѣмъ распятьямъ! всѣмъ цѣпямъ!

Пусть въ пещерѣ ядъ змѣиный
Жжетъ лицо мнѣ,—я въ бреду
Буду пѣть съ моей Сигиной:
Бальдеръ! Бальдеръ! ты въ аду!

Не вотще вѣщали норны
Мнѣ таинственный обѣтъ.
Въ пыткахъ вспомнитъ духъ упорный:
Нѣтъ! не вѣченъ въ мірѣ свѣтъ!
День настанетъ: огнебоги
Сломятъ мощь небесныхъ силъ,
Рухнутъ Одина чертоги,
Рухнетъ древній Игдразилъ.
Выше радуги священной
Встанетъ зарево огня,—
Но послѣдній царь вселенной,
Сумракъ! сумракъ!—за меня.

1904.

VI.

ТЕЗЕЙ АРІАДНѢ.

„Ты спишь, отъ долгихъ ласкъ усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растетъ полоска малая,—
Тебѣ сужденная земля!

„Когда сошелъ я въ сѣнь холодную,
Во тьму излучистыхъ дорогъ,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмогъ.

„Въ борьбѣ, меня твой ликъ божественный
Властнѣй манилъ, чѣмъ дальній лавръ...
Разилъ я съ силой сверхъестественной,—
И палъ упрямый Минотавръ!

„И сердце въ первый разъ извѣдало,
Что есть блаженство на землѣ,
Когда свое біенье предало
Тебѣ—на темномъ кораблѣ!

„Но всѣмъ судило Неизбѣжное,
Какъ высшій долгъ,—быть палачомъ.

Друзья! сложите тѣло нѣжное
На этомъ мху береговомъ.

„Довольно страсть путями правила,
Я въ даръ богамъ несу ее.
Намъ, какъ маякъ, давно поставила
Аоина строгая—копье!“

И надъ водною могилой
Въ отчій край, гдѣ ждетъ Эгей,
Вѣютъ черныя вѣтрила—
Крылья вѣстника скорбей.

А надъ спящей Аріадной,
Словно сонная мечта,
Богъ въ коронѣ виноградной
Клонитъ страстныя уста.

1904.

VII.

АХИЛЛЕСЪ У АЛТАРЯ.

Знаю я, во вражьемъ станѣ
Изогнулся мѣткій лукъ,
Слышу въ утреннемъ туманѣ
Тетивы пѣвучій звукъ.

Всталъ надъ жертвой облакъ дыма,
Пѣсня хора весела,
Но разитъ неотвратимо
Аполлонова стрѣла.

Я спѣшу склонить колѣна,
Но не съ трепетной мольбой.
Обрученъ я, Поликсена,
На единый мигъ съ тобой!

Всѣмъ равно въ глухомъ Эребѣ
Годы долгіе скорбѣть.
Но прекрасенъ ясный жребій—
Просіять и умереть!

Мать звала къ спокойной долѣ...
Нѣтъ! не выбралъ счастья я!

Прошумѣла въ ратномъ полѣ
Жизнь мятежная моя.

И, вступивъ сегодня въ Трою
Въ блескѣ царскаго вѣнца,—
Предъ стрѣлою не укрою
Я спокойнаго лица!

Дай, къ устамъ твоимъ приникнувъ,
Посмотрѣть въ лицо твое,
Чтобъ не дрогнувъ, чтобъ не крикнувъ,
Встрѣтить смерти остріе.

И, не кончивъ поцѣлуя,
Клятвы тихія творя,
Улыбаясь, упаду я
На помостѣ алтаря.

1905

VIII.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, какъ рабъ не буду распятъ,
Иль какъ плѣнный врагъ казненъ!
Клеопатра!—Вѣрный аспидъ
Намъ обоимъ принесенъ.

Вынь на волю изъ корзины,
Какъ союзницу, змѣю,
Полюбуйся мигъ единый
На живую чешую.

И потомъ на темномъ ложѣ
Дай припасть ей намъ на грудь,
Сладкимъ холодомъ по кожѣ
Въ быстрыхъ кольцахъ проскользнуть.

Не любовь, но смерть намъ свяжетъ
Узы тягостныя рукъ,
И, скрутясь, межъ нами ляжетъ
Нашъ послѣдній тайный другъ.

Губы въ губы,—взглядъ со взглядомъ,—
Встрѣтимъ мы послѣдній судъ.

Два укуса съ жгучимъ ядомъ
Сжатыхъ рукъ не разомкнутъ.

И истома муки страстной
Станетъ слабостью конца,
И замрутъ, дрожа согласно,
Утомленныя сердца.

Я какъ рабъ не буду распятъ,
Не покорствуй какъ раба!
Клеопатра!—Вѣрный аспидъ—
Наша общая судьба.

1905.

IX.

АНТОНІЙ.

Ты на закатномъ небосклонѣ
Былыхъ, торжественныхъ временъ,
Какъ исполинъ стоишь, Антоній,
Какъ яркій, незабвенный сонъ.

Боролись за народъ трибуны
И императоры—за власть,
Но ты, прекрасный, вѣчно юный,
Одинъ алтарь поставилъ—страсть!

Побѣдный лавръ, и скиптръ вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросилъ на вѣсы, надменный,
И перевѣсила любовь!

Когда вершились судьбы міра
Среди вспѣненныхъ боемъ струй,—
Вѣнецъ и пурпуръ тріумвира
Ты промѣнялъ на поцѣлуй.

Когда одна черта дѣлила
Въ вѣкахъ величье и позоръ,

Ты повернулъ свое кормило,
Чтобъ разъ взглянуть въ желанный взоръ.

Какъ нимбъ, Любовь, твое сіянье
Надъ всѣми, кто погибъ, любя!
Блаженъ, кто вѣдалъ посмѣянье,
И стыдъ, и гибель—за тебя!

О, дай мнѣ жребій тотъ же вынуть,
И въ часъ, когда не конченъ бой,
Какъ бѣглецу, корабль свой кинуть
Вслѣдъ за египетской кормой!

1905.

X.

ПАТМОСЪ.

Единый разъ свершилось чудо:
Порвалась связь въ волнахъ временъ.
Онъ былъ межъ нами и отсюда
Смотрѣлъ изъ міра въ вѣчность онъ.

Всѣ эти лики, эти звѣри,
И ангелы, и трубы ихъ,
Въ себѣ вмѣщали въ полной мѣрѣ
Грядущее судебъ земныхъ.

Но въ мигъ, когда онъ видѣлъ бездны,
Ужели ночь была и часъ,
И все вращался куполъ звѣздный,
И солнца свѣтъ краснѣлъ и гасъ?

Иль высшей волей провидѣнья
Онъ былъ исторгнутъ изъ временъ,
И былъ мгновеннѣе мгновенья
Всевидящій, всезрящій сонъ?

Все было годомъ или мигомъ,
Что видѣлъ, духомъ обуянъ,

И что своимъ довѣрилъ книгамъ
Послѣдній вѣстникъ Іоаннъ?

Мы въ мірѣ времени,—отсюда
Міръ первыхъ сущностей незримъ.
Единый разъ свершилось чудо
И вскрылась вѣчность передъ нимъ.

1904.

XI.

ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ.

Боги позволили, Арго достроенъ,
Отданъ канатъ произволу зыбей.
Станешь ли ты между смѣлыхъ, какъ воинъ,
Скалъ чарователь, Орфей?

Тифисъ, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркій Линкей!
Тиграмъ и камнямъ довольно служила
Лира твоя, о, Орфей!

Мощенъ Гераклъ, благороденъ Менотій,
Мудръ многоопытный старецъ Нелей,—
Ты же провидѣлъ въ священной дремотѣ
Путь предстоящій, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждетъ вернуть онъ отчизнѣ своей.
Въ день, когда вышли на подвигъ герои,
Будь имъ сподвижникъ, Орфей!

Славь имъ восторгъ достижимой награды,
Думами темныхъ гребцовъ овладѣй,
И навсегда закляни Симплегады
Гимномъ волшебнымъ, Орфей!

1904.

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Въ страну безъ возврата, въ жилище мертвыхъ устремилась богиня Истаръ—вывести души изъ ада, чтобы онѣ вновь ѣли и жили.

Изъ ассирійскаго эпоса.

I.

ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Свершилось! молодость окончена!
Стою надъ новой крутизной.
Какъ было ясно, какъ утончено
Сіянье утра надо мной.

Какъ жрецъ, привѣтствуя мгновенія,
Великій праздникъ первыхъ встрѣчъ,
Впивалъ всѣ краски и всѣ тѣни я,
Чтобъ ихъ молитвенно сберечь.

И чудомъ правды примиряющей
Мнѣ въ полдень пламенный дано
Изъ чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признавъ въ душѣ, навстрѣчу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидѣть небосводъ, раздвинутый
Завѣтной радугой любви,

И сжать уста устами вѣрными,
И жизнь случайностямъ предать,

И надъ просторами безмѣрными
На крыльяхъ страсти задрожать!

Зарю, закатно розоперстую,
Уже предчувствуя вдали,
Смотрю на бездну, мнѣ отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но къ цѣли ослѣпительной
Вторично мнѣ не вознестись,
И я съ поспѣшностью томительной
Всѣмъ существомъ впиваю высь.

1904.

II.

ПОРТРЕТЪ.

Черты твои—дѣтскія, скромныя;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрятъ такъ странно, бездомные,
Большіе зрачки.

Движеньями грустно усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвитъ тебя жгучими жалами
Дѣйствительность дня.

Не сомкнуты губы безсильныя,
Какъ будто имъ нечѣмъ вздохнуть,
Какъ будто покровы могильные
Томятъ тебѣ грудь.

Какъ будто ты помнишь далекое,
Что было, быть можетъ, лишь сномъ,
И сердце твое одинокое—
Навѣки въ быломъ.

Какъ призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользимъ предъ тобой.
Ты смотришься въ дали жемчужныя
Поникшей душой.

Къ глубинамъ роднымъ наклоняешься,
И рада видѣньямъ,—но вдругъ,
Вся вздрогнувъ, опять возвращаешься
Печально въ нашъ кругъ.

1905.

III.

ЖРИЦѢ ЛУНЫ.

1.

По твоей улыбкѣ сонной
Лунный отблескъ проскользнулъ,
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебѣ призывъ шепнулъ.
Надъ твоей улыбкой сонной
Лунный лучъ проколдовалъ,
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебя поцѣловалъ.

И, заслыша зовъ заклятій,
Какъ родные голоса,—
Обратила ты къ Гекатѣ
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зовъ заклятій,
Блѣднымъ свѣтомъ залита,
Обратила ты къ Гекатѣ
Помертвѣлыя уста.

Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти
Вся ты—тайна, вся ты—ложь.
Ты у лунныхъ силъ во власти,
Тѣло богу предаешь.

Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти,
Что̀ тебя цѣлую я!
У Астарты ты во власти,
Ты—ея, ты—не моя!

1904.

IV.

ЖРИЦѢ ЛУНЫ.

2.

Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Тебя въ толпѣ земной отмѣтилъ,—
Лишь тѣ часы твой духъ живетъ,
Когда царитъ Онъ,—мертвъ и свѣтелъ.
Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Призвалъ тебя въ свой сонмъ священный:
Храня таинственный чередъ,
Слѣдишь ты мѣсяцъ перемѣнный.

Приходитъ день, приходитъ мигъ:
Признавъ завѣтныя примѣты,
Ночному богу тайныхъ книгъ
Возобновляешь ты обѣты.
Приходитъ день, приходитъ мигъ:
Ты въ сонмѣ жрицъ, въ нездѣшнемъ храмѣ,
Цѣлуешь мертвый, свѣтлый ликъ
Своими алыми губами.

Ты міру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И въ шумѣ дня тобой, всегда,
Владѣетъ вѣщая дремота.

Ты міру нашему чужда,
Гдѣ слѣпо властвуетъ Изида.
Межъ нами—вѣчная вражда,
Межъ нами—древняя обида!

1904.

V.

КУБОКЪ.

И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій...

Tertia Vigilia.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
Вновь кубокъ съ влагой огневой!
Любовь, противникъ необорный,
Я узнаю твой кубокъ черный
И мечъ, взнесенный надо мной.

О дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!
Я бросилъ щитъ, я уступаю,—
Лишь дай, припавъ устами къ краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, мечъ меня не минетъ,
И кубокъ твой беру, спѣша.
Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!

1904.

VI.

МОЛНІЯ.

Опять душа моя расколота
Ударомъ молніи, и я,
Вдругъ ослѣпленный вихремъ золота,
Упалъ въ провалы бытія.

Съ побѣднымъ хохотомъ, товарища,
Лемуры встрѣтили меня—
На пеплѣ стараго пожарища,
Въ дыму послѣдняго огня.

„Ты—нашъ!—вскричали въ дикой нѣжности,—
„Ты нашъ! и въ безднахъ вѣчно будь!
„Свободный духъ предай мятежности.
„Тропы лазурныя забудь!“

И мнѣ отъ жгучей боли весело,
И мнѣ желаненъ мой костеръ,
И небо черный пологъ свѣсило
На мой полуослѣпшій взоръ.

1904.

VII.

ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Кто насъ двухъ, душой враждебныхъ,
Сблизить къ общей цѣли могъ?
Кто заклятьемъ словъ волшебныхъ
Насъ воззвалъ отъ двухъ дорогъ?

Кто надъ пропастью опасной
Далъ намъ, взоръ во взоръ, взглянуть?
Кто связалъ насъ мукой страстной?
Кто насъ бросилъ—грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоемъ обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, съ трепетомъ испуга,
Уклонивъ глаза свои,
Отрекались другъ отъ друга
Мы предъ ликомъ Судіи.

Онъ же, мудрый, онъ же, строгій,
Осудилъ, не облича.

Насъ смутилъ глухой тревогой
Смѣхъ внезапный палача.

Въ дикомъ вихрѣ—кто мы? что мы?
Листья, взвитые съ земли!
Сны восторга и истомы
Насъ какъ уголья прожгли.

Здѣсь, упавъ въ безсильной дрожи,
Въ блескѣ молній и въ грозѣ,
Гдѣ же мы: на страстномъ ложѣ
Иль на смертномъ колесѣ?

Сораспятая на муку,
Давній врагъ мой и сестра!
Дай мнѣ руку! дай мнѣ руку!
Мечъ взнесенъ! Спѣши! Пора!

1905.

VIII.

ВИДѢНІЕ КРЫЛЬЕВЪ.

Связанные взглядомъ,
Надъ открытой бездной
Наклонились мы,
Рядомъ! рядомъ! рядомъ!
Съ дрожью безполезной
Предъ соблазномъ тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тѣснѣй объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилья
Разорвать сплетенья
Нашихъ рукъ и глазъ!
Крылья! крылья! крылья!—
Яркое видѣнье
Ослѣпило насъ.

Страшенъ и невѣдомъ,
Тамъ Крылатый Кто-то
Озаренъ огнемъ.
Слѣдомъ! слѣдомъ! слѣдомъ!
Въ чаяньи полета
Бросимся вдвоемъ!

1905.

IX.

ВЪ ТРЮМѢ.

Мы—двое брошенные въ трюмъ,
Въ оковахъ на полу простертые.
Едва доходитъ въ глуби мертвыя
Далекихъ волнъ неровный шумъ.

Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры намъ прочитаны,
И насъ влечетъ корабль испытанный
Изъ міра жизни навсегда.

Зачѣмъ же ты, лицомъ упавъ
На доски жесткія, холодныя,
Твердишь про области свободныя,
Про воздухъ горъ и запахъ травъ!

Забудь о радостныхъ путяхъ,
Забудь благоуханья смольныя,
Нашъ міръ—недѣли подневольныя,
Нашъ міръ—молчанье, мракъ и прахъ...

Но въ мигъ, когда раскрывши дверь,
Палачъ поманитъ насъ десницею,
Останься плѣнною царицею,
Мнѣ руку скованную ввѣрь.

Мы выйдемъ съ поднятымъ челомъ,
На міръ вечерній взглянемъ съ палубы,
И безъ упрека и безъ жалобы
Въ челнокъ послѣдній перейдемъ.

1905.

X.

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

Блѣднѣютъ тѣни. Изъ-за ставенъ
Разсвѣтъ безстыдно кажетъ ликъ.
Надъ нами новый день безправенъ,
Еще царитъ послѣдній мигъ.

Гремитъ случайная телѣга
По тяжкимъ камнямъ мостовой.
Твое лицо бѣлѣе снѣга,
Но строгъ и ясенъ обликъ твой.

Какъ стадо пьяное кентавровъ,
Спятъ гости безобразнымъ сномъ.
Вѣнки изъ розъ, вѣнки изъ лавровъ
Залиты,—смятые,—виномъ.

На шкуры барсовъ и медвѣдей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о побѣдѣ
Надъ темнымъ геніемъ Судьбы!

Ты подняла фіалъ фалерна
И бросила... Условный знакъ!
Моя душа осталась вѣрной:
Зовешь меня—иду во мракъ.

У насъ подъ складками одежды,
Я знаю, ровенъ сердца стукъ...
Какъ нѣтъ ни страха, ни надежды—
Не будетъ ужаса и мукъ.

Два лезвія блеснутъ надъ ложемъ,
Какъ сонный вздохъ провѣетъ стонъ,—
И, падая, мы не встревожимъ
Кентавровъ пьяныхъ тусклый сонъ.

1905.

XI.

ВЪ СКЛЕПѢ.

Ты въ гробницѣ распростерта въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую лунный отблескъ на твоемъ лицѣ.

Сквозь рѣшетчатыя окна виденъ кругъ луны.
Въ ясномъ небѣ, какъ надъ нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья вѣнчикъ влажныхъ розъ,
На твоихъ глазахъ, какъ жемчугъ, капли прежнихъ слезъ.

Лунный лучъ, лаская розы, жемчугъ серебритъ,
Лунный свѣтъ обходитъ кругомъ мраморъ старыхъ плитъ.

Что̀ ты видишь, что̀ ты помнишь въ непробудномъ снѣ?
Тѣни темныя все ниже клонятся ко мнѣ.

Я пришелъ къ тебѣ въ гробницу черезъ черный садъ,
У дверей меня лемуры злобно сторожатъ.

Знаю, знаю, мнѣ недолго быть вдвоемъ съ тобой!
Лунный свѣтъ свершаетъ мѣрно путь свой круговой.

Ты—недвижна, ты—прекрасна, въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую свѣтъ небесный на твоемъ лицѣ!

1905.

XII.

ДВА ГОЛОСА.

Первый.

Гдѣ ты? гдѣ ты, милый?
Наклонись ко мнѣ.
Призракъ темнокрылый
Мнѣ грозилъ во снѣ.
Я была безвольна
Въ сумракѣ безъ дня...
Сердце билось больно...

Другой

Кто зоветъ меня?

Первый.

Ты зачѣмъ далеко?
Темный воздухъ пустъ.
Губы одиноко
Ищутъ милыхъ устъ.
Почему на ложѣ
Нѣтъ тебя со мной?
Гдѣ ты? кто ты? кто же?

Другой.

Въ склепѣ я—съ тобой!

Первый.

Саваномъ одѣты
Руки, плечи,—прочь!

Милый, свѣтлый, гдѣ ты?
Насъ вѣнчаетъ ночь.
Жажду повторять я
Милыя слова.
Гдѣ-жъ твои объятья?

Другой.

Развѣ ты жива?

Первый.

И сквозь тьму нѣмую
Вижу—близко ты.
Наклонясь, цѣлую
Милыя черты.
Иль во тьмѣ забылъ ты
Про любовь свою?
Любишь, какъ любилъ ты?

Другой.

Понялъ. Мы—въ раю.

1905.

XIII.

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Астарта! Астарта! и ты посмѣялась,
Въ аду насъ отмѣтила знакомъ своимъ,
И ужасы пытокъ забылись какъ малость,
И радость надеждъ расклубилась какъ дымъ.

Одно намъ осталось—сближаться, сливаться,
Слипаться устами, какъ гроздьямъ висѣть,
Къ святынямъ касаться рукой святотатца,
Вплетаться всѣмъ тѣломъ въ Гефестову сѣть.

Дай блѣдныя руки, гдѣ язвы распятья!
Дай бѣдную грудь, гдѣ вонзалось копье!
Края плащаницы хочу цѣловать я,
Изъ гроба возставшее тѣло твое!

Царица желаній, изведшая души
Изъ бездны Иркаллы на пламенный свѣтъ!
Тебѣ, необорной, мы дѣтски послушны:
И ложе—какъ храмъ, и любовь—какъ обѣтъ!

Астартѣ небесной, предвѣстницѣ утра,
Надъ нами сіяющей ночью и днемъ,
Я—жрецъ темноглазый, съ сестрой темнокудрой,
И ночью и днемъ воспѣваю псаломъ.

1905.

XIV.

МАРГЕРИТЪ.

Ты—какъ камень самоцвѣтный,
Ты—какъ жемчугъ маргеритъ;
Тайный пламень, чуть замѣтный,
Въ глубинѣ его горитъ.

Я—какъ уголь; жгучимъ горномъ
Пережженный, я погасъ,—
Но таится въ углѣ черномъ
Ослѣпительный алмазъ.

Года кругъ великъ и дологъ,
Въ кругѣ цѣлый міръ сокрытъ:
И включилъ священный Прологъ
Книгу тайны—Маргеритъ.

Книгу-ль тайнъ не облечете
Въ пышный бархатъ и атласъ?
Пусть блеститъ на переплетѣ
Въ ясномъ золотѣ алмазъ!

Выпалъ жребій предрѣшенный:
Уголь—я, ты—маргеритъ.
Но мой ликъ преображенный
Предъ твоей душой горитъ!

1905.

МГНОВЕНІЯ.

Но есть сильнѣй очарованье...

Ѳ. Тютчевъ.

I.

Костра расторгнутая сила
Двухъ тѣлъ сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Послѣднихъ углей красноту.

И опаленны и безсильны
Въ объятьяхъ тщетно мы дрожимъ:
Былое пламя—прахъ могильный,
Надъ нами расточенный дымъ.

Но знаю, искра тлѣетъ гдѣ-то,
Какъ фениксъ воскресаетъ страсть,—
И въ новый вихрь огня и свѣта
Намъ будетъ сладостно упасть!

1905.

II.

Мука сладострастія
Искривила губы.
Ты—въ томленьи счастія,
Я—надъ темной бездной
Двухъ померкшихъ глазъ.
Мы—какъ серафимы,
Мы къ лазури звѣздной
Подымаемъ трубы,
Въ жаждѣ сладко-длительной
Видимъ лучъ незримый
Близкаго разсвѣта,
Задыхаясь, знака
Ждемъ, чтобъ трубный гласъ
Взрѣзалъ завѣсъ мрака,
Солнце ослѣпительно
Встало смерчемъ свѣта,
И восторгъ стремительно
Въ пропасть ринулъ насъ.

1905.

III.

1

Серафимовъ вереницы
Наше ложе окружили.
Вѣютъ въ пламенныя лица
Тихимъ холодомъ воскрылій.

Серафимы полукругомъ
Наклонились къ изголовью;
Внемлемъ съ радостнымъ испугомъ
Неземному славословью.

Рѣютъ лики свѣтлымъ дымомъ,
И крылами гасятъ свѣчи,
И кропятъ дождемъ незримымъ
Наши огненныя плечи.

1905.

IV.

Когда мы бывали
Томительно сцѣплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
Въ сладостной мукѣ,—
Кѣмъ-то затеплены,
Строгія свѣчи
—Отсвѣты рая—
Въ небѣ мерцали
Передъ иконами,
Ангелы пѣли
Гимны хваленій
За небосклонами,
И нѣжились тѣни,
Какъ въ дѣвичей постели
Надъ полями зелеными.

1905.

V.

Дай устамъ моимъ приникнуть
Къ влажно дышащимъ устамъ,
Чтобъ въ молчаньи могъ возникнуть
Мой завѣтный, тайный храмъ.

Снова сходы, переходы,
Лѣстницъ узкіе винты,
Въ полутьмѣ лепечутъ воды,
Вѣютъ пряные цвѣты.

Дальше! дальше! въ тѣ покои,
Гдѣ во мракѣ слѣпнетъ взоръ.
Чу! какъ пѣнье неземное,
Вдалекѣ дѣвичій хоръ.

Дѣвы! дѣвы! громче киньте
Черезъ сумракъ вѣщій зовъ!
Я теряюсь въ лабиринтѣ
Переходовъ и шаговъ.

Жажду свѣта, жажду встрѣчи
Предъ огнями алтаря.
Вотъ вдали мелькнули свѣчи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спѣшу къ подножью
Царскихъ вратъ... упалъ, нѣмой...
Съ легкимъ стономъ, съ тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

1905.

VI.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ МАЛЬДУНА.

Вѣрные челны причальте
Къ этимъ унылымъ тѣснинамъ.
Здѣсь на холодномъ базальтѣ
Черную ночь провести намъ!

Ахъ! вамъ все снятся магнолій
Купы надъ синимъ заливомъ,—
Время блаженной неволи,
Жизнь въ упоеньи лѣнивомъ.

Ахъ! вамъ все помнятся, братья,
Очи подругъ долго-жданныхъ,
Ихъ огневыя объятья,
Тайны ночей бездыханныхъ!

Полно! извѣдано счастье!
Кубокъ пустой опрокинутъ.
Слаще, чѣмъ дрожь сладострастья,
Вольныя волны насъ ринутъ.

Кормы, качаясь на влагѣ,
Манятъ насъ къ Новому свѣту,
Мы по природѣ—бродяги,
Мы—моряки по обѣту!

Спите же сномъ беззаботнымъ,
Здѣсь, гдѣ я посохъ свой бросилъ:
Завтра, чуть утро блеснетъ намъ.
Снова мы сядемъ у веселъ!

1905.

VII.

ПРОЩАНІЕ.

Вотъ и ты, печальная, отчалила
Отъ моихъ безмолвныхъ береговъ.
Солнце блѣдный твой вѣнокъ ужалило,
Солнце воды окропило золотомъ,
Дали синія—передъ тобой какъ зовъ.

Я одинъ теперь подъ сводомъ каменнымъ,
Я одинъ среди померкшихъ скалъ.
Что-жъ! Пойду въ пещеру къ вѣрнымъ молотамъ,
Ихъ взносить надъ горномъ жгуче-пламеннымъ,
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Гулокъ стукъ. Со мной лишь гномы плѣнные,
Злобные пособники мои,
Да мои видѣнія мгновенныя,
Да въ мечтахъ послѣднихъ—волны пѣнныя,
Разсѣченныя движеніемъ ладьи.

1904.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.

Бродя по думамъ и влачась по днямъ.

Tertia Vigilia.

I.

ВСТРѢЧА.

O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!

Ch. Baudelaire. (A une passante).

О эти встрѣчи мимолетныя
На гулкихъ улицахъ столицъ!
О эти взоры безотчетные,
Бесѣда бѣглая рѣсницъ!

На зыби яростной мгновеннаго
Мы двое—у одной черты;
Безмолвный крикъ желанья плѣннаго:
„Ты кто, скажи?"—отвѣтъ: „Кто ты?"

И взоромъ прошлое разсказано,
И брошенъ зовъ ей: „Будь моей!"
И вотъ она обѣтомъ связана...
Но мигъ прошелъ, и мы не съ ней.

Далеко, тамъ, въ толпѣ скользитъ она,
Уже съ другимъ ея мечта...
Но развѣ страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

1904.

II.

НА УЛИЦѢ.

На людной улицѣ, безумной и мятежной,
Мы встрѣтились на мигъ.
Знакомый взоръ съ какой-то грустью нѣжной
Въ меня проникъ.

И мы вдвоемъ надъ зеркаломъ покатымъ
Дрожали, не дыша.
Въ немъ отражалась призракомъ крылатымъ
Твоя душа.

А я безкрылой, падающей тѣнью
Былъ рядомъ повторенъ.
Какъ будто звалъ къ послѣднему паденью
Отвѣсный склонъ.

И я ступилъ ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла.
И встрѣтилъ шагъ лишь каменныя плиты
Взамѣнъ стекла.

1904.

III.

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ДОМѢ.

Ходятъ и дерзко поводятъ плечами,
Камнями, тканями, тѣломъ блестя,
Бедрами, шелкомъ шурша, шелестя...

—„Что же, дитя, ты стоишь какъ во храмѣ?
Очи опущены, шея закрыта...
Кто ты, дитя?“
—„Я—Афродита.“

—„Пѣннорожденная! Андіомена!
Къ жертвамъ привыкшая Эроса мать,
Здѣсь, гдѣ властители—купля и мѣна,
Что тебѣ медлить? чего тебѣ ждать?“

—„Всюду я, гдѣ трепетъ страстный
Своевольно зыблетъ грудь.
Вы безсильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!

„Лгите зовомъ поцѣлуя,
О любви ведите торгъ,—
Въ мигъ послѣдній, торжествуя,
Опьянитъ глаза восторгъ!

„Всѣ признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость—лишь тропа,
Гдѣ иду я къ полю жатвы
Съ яркой молніей серпа.

„Въ тишинѣ альковов брачныхъ,
И въ весельи грѣшныхъ ложъ,
Желтизну колосьевъ злачныхъ
Узнаетъ равно мой ножъ.

„Здѣсь иль нѣтъ, пришлецъ случайный,
Ницъ ты склонишься челомъ—
Предъ моей предвѣчной тайной,
Подъ моимъ святымъ серпомъ!"

1905.

IV.

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Горите бѣлыми огнями,
Тѣснины улицъ! Двери въ адъ,
Сверкайте пламенемъ предъ нами,
Чтобъ не блуждать намъ наугадъ!

Какъ лица женщинъ въ синемъ свѣтѣ
Обнажены, углублены!
Взметайте яростныя плети
Надъ всѣми, дѣти Сатаны!

Хрусталь горитъ. Вино играетъ.
Въ немъ солнца лучъ освобожденъ.
Напѣвъ ли вальса замираетъ
Иль отдаленный сонный стонъ?

Ты вновь со мной! ты—та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочутъ дьяволы на стражѣ,
И алебарды ихъ—въ крови!

Звени огнемъ,—стаканъ къ стакану!
Смотри изъ пытки на меня!
— Плыветъ, плыветъ по ресторану
Синь воскресающаго дня.

1905.

V.

КАМЕНЩИКЪ.

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной.
Горе тѣмъ, кто свѣжъ и молодъ
Здѣсь въ тюрьмѣ земной!

Намъ дана любовь—какъ цѣпи,
И нужна—какъ плеть...
Кто уйдетъ въ пустыя степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной...
Камень молотомъ расколотъ,
Длится трудъ дневной.

Камни бьемъ, чтобъ жить на свѣтѣ,
И живемъ,—чтобъ бить...
Горе тѣмъ, кто нынѣ дѣти,
Тѣмъ, кто долженъ быть!

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной...
Распахнетъ ли смертный холодъ
Двери въ міръ иной!

1904.

VI.

ВЪ ИГОРНОМЪ ДОМѢ.

(Chemin de fer).

— „Кто они, скажи мнѣ, птица,
Тѣ двѣнадцать вкругъ стола?
Какъ на ихъ земныя лица
Тѣнь иного налегла?“

— „Это я въ узорной башнѣ
Заточила души ихъ,
Ихъ сознаній звукъ всегдашній
Сочетала въ звонкій стихъ.

„Это я дала червонцамъ
Тусклый блескъ, холодный ядъ.
И подсолнечники къ солнцамъ
Обращенные стоятъ.

„Я языкъ дала ихъ знакамъ,
Ихъ рѣчамъ безсвязнымъ смыслъ,
Имъ дала упиться мракомъ
Тайныхъ символовъ и числъ.

„Я—мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
Слѣдъ святого поцѣлуя—
Тѣнь имъ ляжетъ на чело.

„Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутымъ кругъ.
Не иди, безумецъ, мимо,
Будь со мной и будь мнѣ другъ!“

И, дрожа крылами, птица
Взоромъ вѣрныхъ обвела,
И покрылись тѣнью лица,
Всѣ двѣнадцать вкругъ стола.

1905.

VII.

ВЪ ВАГОНѢ.

Въ ея глаза зеленые
Взглянулъ я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда нашъ свѣтъ погасъ.

Два спутника случайные,
Въ молчаньи безъ огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки съ ней.

Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Летѣлъ своимъ путемъ,
Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Качая насъ вдвоемъ.

И было здѣсь вліяніе
Качанія и тьмы,
И было здѣсь вліяніе,
Въ которомъ никли мы.

И чьи-то губы близились
Во тьмѣ къ другимъ губамъ,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось намъ?

Въ ея глаза зеленые
Взглянулъ я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда въ нихъ свѣтъ погасъ.

1905.

VIII.

КРЫСОЛОВЪ.

Я на дудочкѣ играю
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочкѣ играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой рѣчки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлютъ тихія овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домикъ тамъ таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой дѣвушкѣ приснится,
Что ей душу отдалъ я.

И на нѣжный зовъ свирѣли,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдетъ словно къ свѣтлой цѣли
Черезъ садъ, черезъ поля.

И въ лѣсу подъ дубомъ темнымъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будетъ ждать въ бреду истомномъ,
Въ часъ когда уснетъ земля.

Встрѣчу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацѣлую,
Сердце лаской утоля.

И, смѣнившись съ ней колечкомъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее къ овечкамъ,
Въ садъ, гдѣ стройны тополя.

1904.

IX.

ПОСЛѢ ПИРА.

Мы съ дрожью страсти и печали,
Едва надъ моремъ разсвѣло,
Ей чресла розами вѣнчали
И гіацинтами чело.

На тѣлѣ розовомъ и бѣломъ,
Какъ кровь горѣли капли розъ,
Одни мы были въ мірѣ цѣломъ,
И храмомъ сталъ нагой утесъ.

Жрецы ночей и наслажденій,
Мы передъ вѣчной Красотой
Склонили радостно колѣни,
Воспѣвъ невольно гимнъ святой.

Но тамъ внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покровъ,
Открылись вышедшія рано
На ловлю лодки рыбаковъ.

И отзвукъ пѣсни ихъ убогой
На высотѣ заслышавъ вдругъ,
Она, объятая тревогой,
Разорвала нашъ тѣсный кругъ.

И солнце, безпощаднымъ ликомъ,
Взглянувъ, огнемъ зажгло волну,
И, шагъ ступивъ, съ побѣднымъ крикомъ
Она низверглась въ глубину.

1905.

X.

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ.

Тѣсно во мглѣ мы сидимъ.
Люди, надъ ярусомъ ярусъ.
Зыблются вѣтромъ живымъ
Гдѣ-то и стяги и парусъ!

Въ узкія окна закатъ
Краснаго золота бросилъ.
Выступилъ сумрачный рядъ
Тѣлъ, наклоненныхъ у веселъ.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

Рѣжемъ ли медленный Нилъ,
Мѣсимъ ли фризскую тину?
Или насъ Рокъ возвратилъ
Къ бѣлому мысу Пахину?

Пѣсню намъ, что ли, начать?
Но не разслышатъ и жалобъ
Тѣ, кто достойны дышать
Моремъ съ разубранныхъ палубъ!

Кто тамъ? Нагая-ль жена
Дремлетъ на шкурѣ пантеры?
Чу! это пѣсня слышна
Въ честь вѣнценосной гетеры.

Или то Цезарь пѣвецъ
Лирой тревожитъ Тритона,
Славя свой вѣчный вѣнецъ,
Славя величіе трона?

Нѣтъ! то военныхъ рожковъ
Вызовъ, готовящій къ бою!
Я для друзей иль враговъ
Волны упругія рою?

Эхъ, что мечтать! все равно—
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится въ окно
Отблескъ послѣдній заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся всѣ мы,
Мча на невѣдомый бой
Бѣгъ быстролетной триремы.

1905.

XI.

КЪ ОЛИМПІЙЦАМЪ.

Все какъ было, все какъ вѣчно.
Побѣдилъ и побѣжденъ!
Разсѣченъ дорогой млечной
Безконечный небосклонъ.

Милліоны, милліоны
Нескончаемыхъ вѣковъ
Возносили въ бездну стоны
Оскорбляемыхъ міровъ.

Все—обманъ, все дышетъ ложью,
Въ каждомъ зеркалѣ двойникъ,
Выполняя волю божью,
Кажетъ вывернутый ликъ.

Всѣ побѣды—униженье,
Всѣ восторги—боль и стыдъ.
Побѣдитель на мгновенье,
Я своимъ мечомъ убитъ!

На снѣгу нетлѣнно-бѣломъ
Я простертъ. Струится кровь...
За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ быть, сильна любовь!

Здѣсь же, долу, во вселенной—
Лишь обманность всѣхъ путей,
Здѣсь правдивъ лишь смѣхъ надменный
Твой, о братъ мой, Прометей!

Олимпіецъ! бурей снѣжной
Замети мой буйный прахъ,—
Но зажженъ огонь мятежный
Навсегда въ твоихъ рабахъ!

1905.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя.

Ѳ. Тютчевъ.

I.

КИНЖАЛЪ.

Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ...

М. Лермонтовъ.

Изъ ноженъ вырванъ онъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей вѣчно сестры.

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но чуть заслышалъ я завѣтный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона.

Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ,
Какъ прежде, пробѣжалъ по этой вѣрной стали,
И снова я съ людьми,—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

1903.

II.

КЪ ТИХОМУ ОКЕАНУ.

Снилось ты намъ съ нашихъ первыхъ вѣковъ
Гдѣ-то за высью чужихъ плоскогорій,
Въ свѣтѣ и въ пѣньи полдневныхъ валовъ,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шамановъ и призраковъ блѣдныхъ
Гордымъ грозили, закрывъ берега
Водъ заповѣдныхъ.

Но намъ вожатымъ былъ голосъ мечты!
Зовомъ звучали въ вѣкахъ ея клики!
Шли мы, слѣпые, и вскрылся намъ ты,
Тихій! Великій!

Чаша безмѣрная водъ! дай припасть
Къ блещущей влагѣ устами и взоромъ,
Дай утолить нашу старую страсть
Полнымъ просторомъ!

Вотъ чего ждали мы, дѣти степей!
Вотъ она, сродная сердцу стихія!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россія.

Братъ-Океанъ! ты—какъ мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражескихъ становъ.
Кто, дерзновенный, захочетъ разъять
Двухъ великановъ?

Январь 1904.

III.

ВОЙНА.

На камняхъ скалъ, подъ ропотъ бора
Предвѣчной Силой рождена,
Ты—дочь губящаго Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя швырнула въ гнѣвѣ мать,
И съ дѣтства ты къ сосцамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И не людскую жажду крови
Всосала вмѣстѣ съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу „право",
Отцовскій даръ, бросаешь въ міръ,
Чтобъ усладить струей кровавой,
Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой, дружиной вѣрной
Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

1904.

IV.

НА НОВЫЙ 1905 ГОДЪ.

И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

Ѳ. Тютчевъ (1855).

Весь годъ прошелъ какъ сонъ кровавый,
Какъ глухо душащій кошмаръ,
На облакахъ, какъ отблескъ лавы,
Грядущихъ дней горитъ пожаръ.

Какъ исполинъ въ ночномъ туманѣ
Всталъ новый годъ, суровъ и слѣпъ,
Онъ держитъ въ безпощадной длани
Вѣсы таинственныхъ судебъ.

Качнулись роковыя чаши,
При свѣтѣ молній взнесены:
Тамъ жребіи врага и наши,
Знамена тяжкія войны.

Молчи и никни, умъ надменный!
Се—высшей истины пора!
Предъ міромъ на доскѣ вселенной
Вѣковъ азартная игра.

И въ упоеніи и въ страхѣ
Мы, современники, слѣдимъ,
Какъ вьется кость, въ крови и прахѣ,
Чтобъ выпасть знакомъ роковымъ.

Декабрь 1904.

V.

КЪ СОГРАЖДАНАМЪ.

Борьба не тихнетъ. Въ каждомъ домѣ
Стоитъ кровавая мечта,
И ждемъ мы въ тягостной истомѣ
Столбцовъ газетнаго листа.

Въ глухихъ степяхъ, подъ небомъ хмурымъ,
Тревожный духъ нашъ опочилъ,
Гдѣ надъ Мукденомъ, надъ Артуромъ
Паритъ безсмѣнно Азраилъ.

Теперь не время буйнымъ спорамъ,
Какъ и веселымъ звонамъ струнъ.
Вы, ликторы, закройте форумъ!
Молчи, неистовый трибунъ!

Когда падутъ крутыя Веи,
И встанетъ Римъ какъ властелинъ,
Пускай опять идутъ плебеи
На свой священный Авентинъ!

Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ,
Всѣ—съ грудью грудь! и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ!

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними—только дѣти,
Что наше время—лишь звено!

Декабрь 1904.

VI.

ЦУСИМА.

Великолѣпная могила.

Пушкинъ.

Гдѣ море, сжатое скалами,
Рѣкой торжественной течетъ,
Подъ знойно южными волнами,
Изнеможенъ, почилъ нашъ флотъ.

Какъ стая птицъ надъ океаномъ,
За нимъ тоскующей мечтой
По страннымъ водамъ, дивнымъ странамъ
Стремились мы къ метѣ одной.

И въ день, когда въ огнѣ и бурѣ
Онъ, неповинный, шелъ ко дну,
Мы въ бездну канули съ лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, какъ онъ, лежимъ, безсильны,
Высь—недоступно далека,
И мчитъ надъ нами грузъ обильный,
Какъ прежде, южная рѣка.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающихъ наядъ,
На стрѣлахъ солнца сходятъ въ море,
Гдѣ наши остовы лежатъ.

Да вмѣстѣ призракъ величавый,
Россія горестная, твой,
Рыдаетъ надъ погибшей славой
Своей затѣи роковой!

И снова все въ вѣкахъ, далеко,
Что̀ было близкимъ наконецъ —
И скипетръ Дальняго Востока,
И Рима Третьяго вѣнецъ!

Іюнь 1905.

VII.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Они кричатъ: за нами право!
Они клянутъ: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что̀ сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій,
На площадяхъ вступаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,
Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя-бъ прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легіоновъ
Значки — во храмахъ у парѳянъ!

Давно васъ ждутъ въ родномъ Эребѣ!
Вы — выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошенъ жребій.
Плыви, мой конь, чрезъ Рубиконъ!

Августъ 1905.

VIII.

ОДНОМУ ИЗЪ БРАТЬЕВЪ.

Свой судъ холодный и враждебный
Ты произнесъ, но ты не правъ!
Мои стихи—сосудъ волшебный
Въ тиши отстоенныхъ отравъ!

Стремлюсь, какъ ты, къ земному раю
Я, подъ безмѣрностью небесъ:
Какъ ты, на всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ.

Но, узникъ, ты схватилъ сѣкиру,
Ты рубишь твердый камень стѣнъ,
А я, таясь, готовлю міру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ.

Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу,
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ! я незримо стѣны рушу,
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ.

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

1905.

IX.

ЗНАКОМАЯ ПѢСНЬ.

Эта пѣснь душѣ знакома,
Слушалъ я ее въ вѣкахъ.
Эта пѣснь — какъ говоръ грома
Надъ равниной, въ облакахъ.

Пѣлъ ее въ свой день Гармодій,
Повторилъ суровый Брутъ,
Въ каждомъ призванномъ народѣ
Тѣ же звуки оживутъ.

Это — колоколъ вселенной
Съ языкомъ изъ серебра,
Что̀ качаютъ мигъ мгновенный
Робеспьеры и Мара̀.

Пусть ударятъ неумѣло:
Въ чистой мѣди тотъ же звонъ!
И надъ нами загудѣла
Пѣснь торжественныхъ временъ.

Я, быть можетъ, богомольнѣй,
Чѣмъ другіе, внемлю ей,
Не хваля на колокольнѣ
Неискусныхъ звонарей.

Августъ 1905.

X.

Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Пушкинъ.

Да! цѣпи могутъ быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
Въ уступкахъ ищете защиты.

Когда-бъ съ отчаяньемъ суровымъ
Въ борьбѣ пошли вы до предѣла,
Я васъ вѣнчалъ бы лавромъ новымъ,
Я васъ воспѣлъ бы въ пѣснѣ смѣлой.

Когда бы, ставъ лицомъ къ измѣнѣ,
Вы, какъ мужчины, гордо пали,
Я знаю — въ бурѣ вдохновеннѣй
Я сплелъ бы вамъ вѣнецъ печали!

Но вы безвольны, вы безполы,
Вы скрылись за своимъ затворомъ.
Такъ слушайте напѣвъ веселый.
Поэтъ вѣнчаетъ васъ позоромъ.

1905.

XI.

ПАЛОМНИКАМЪ СВОБОДЫ.

Свои торжественные своды
Изъ-за ограды вѣковой
Вздымалъ къ простору Храмъ Свободы,
Затерянный въ тайгѣ глухой.

Сюда, предчувствіемъ томимы,
Къ угрюмо запертымъ дверямъ,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно ѳиміамъ.

И плача у завѣтной двери,
Не смѣя прикоснуться къ ней,
Вновь уходили,—той же вѣрѣ
Учить, какъ тайнѣ, сыновей.

И съ гуломъ рухнули затворы,
И дрогнула стѣна кругомъ,
И вотъ уже горятъ, какъ взоры,
Всѣ окна храма торжествомъ.

Такъ что-жъ съ испугомъ и укоромъ,
Паломники иныхъ временъ,
Глядятъ, какъ зарево надъ боромъ
Весь заливаетъ небосклонъ.

1905.

XII.

УЛИЧНЫЙ МИТИНГЪ.

Кто предсѣдатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Духъ, съ мечомъ,
Какъ черный нетопырь — крылатый,
Но ликомъ сходный съ божествомъ?

Не ты-ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намѣчаешь жертвъ ряды?

Не ты ли въ мигъ послѣдній взглянешь
Въ лицо всѣмъ — яростнымъ лицомъ,
И въ руки факелы протянешь
Съ неумирающимъ огнемъ?

И вспыхнутъ заревомъ багрянымъ
На вѣчномъ небѣ облака,
И озарятся за туманомъ
Еще не вставшіе вѣка.

Ты въ пламени и клубахъ дыма
Отпляшешь танецъ страшный свой,
Какъ нынѣ властвуя незримо
Надъ торжествующей толпой.

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но изъ наставшей темноты,
Изъ пепла общаго пожара
Воздвигнешь новый міръ — не ты!

1905.

XIII.

ЛИКЪ МЕДУЗЫ.

Ликъ Медузы, ликъ грозящій,
Всталъ надъ далью темныхъ дней,
Взоръ—кровавый, взоръ—горящій,
Волоса—сплетенья змѣй.

Это—хаосъ. Въ хаосъ черный
Насъ влечетъ, какъ въ срывъ, стезя.
Споримъ мы, иль мы покорны,
Намъ сойти съ пути нельзя!

Въ эти дни огня и крови,
Что̀ сольются въ дикій бредъ,
Крикъ проклятій, крикъ злословій
Заклеймитъ тебя, поэтъ!

Но при заревахъ, у плахи,
На руинахъ всѣхъ святынь,
Славь тяжелыхъ ломовъ взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пѣлъ безпечность смѣха
И святой покой могилъ,
Ты отъ вѣка—въ мірѣ эхо
Всѣхъ живыхъ, всѣхъ мощныхъ силъ.

Міръ завѣтный, міръ прекрасный
Сгибнетъ въ безднѣ роковой.
Быть напѣвомъ бури властной
Вотъ желанный жребій твой.

Съ громомъ близокъ голосъ музы,
Древній хаосъ друженъ съ ней.
Здравствуй, здравствуй, ликъ Медузы,
Тамъ надъ далью темныхъ дней.

Октябрь 1905.

XIV.

ДОВОЛЬНЫМЪ.

Мнѣ стыдно вашихъ поздравленій,
Мнѣ страшно вашихъ гордыхъ словъ!
Довольно было униженій
Предъ ликомъ будущихъ вѣковъ!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшаго клочекъ травы.
Быть сытымъ — больше вамъ не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасенъ, въ мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти,
Въ щепы дробящій утлый тронъ!

Но ненавистны полумѣры,
Не море, а глухой каналъ,
Не молнія, а полдень сѣрый,
Не агора̀, а общій залъ.

На этихъ всѣхъ, довольныхъ малымъ,
Вы, дѣти пламеннаго дня,
Возстаньте смерчемъ, смертнымъ шкваломъ,
Крушите жизнь — и съ ней меня!

18 октября 1905.

XV.

ГРЯДУЩІЕ ГУННЫ.

Топчи ихъ рай, Аттила.

Вяч. Ивановъ.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей нависли надъ міромъ!
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ становій—
Оживить одряхлѣвшее тѣло
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцовъ, какъ бывало,
Всколосите веселое поле
На мѣстѣ троннаго зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ,
Творите мерзость во храмѣ,—
Вы во всемъ неповинны, какъ дѣти!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры,
Унесемъ зажженные свѣты,
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры.

И что̀, подъ бурей летучей,
Подъ этой грозой разрушеній,
Сохранитъ играющій Случай
Изъ нашихъ завѣтныхъ твореній?

Безслѣдно все сгибнетъ, быть можетъ,
Что̀ вѣдомо было однимъ намъ,
Но васъ, кто меня уничтожитъ,
Встрѣчаю привѣтственнымъ гимномъ.

1905.

XVI.

КЪ СЧАСТЛИВЫМЪ.

Свершатся сроки: загорится вѣкъ,
Чей лучъ блеститъ на быстринѣ столѣтій,
И твердо станетъ вольный человѣкъ
Предъ ликомъ неба на своей планетѣ.

Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла;

Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни;
Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.

Цари стихій, владыки естества,
Послѣдыши и баловни природы
Начнутъ свершать, въ весельи торжества,
Какъ вѣчный пиръ, ликующіе годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.

Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ,
Ихъ упоитъ въ безсонной жаждѣ знанья,
И Красоты осуществленный ликъ
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.

И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ, страстно дышитъ,
И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
Я знаю, міръ грядущій не услышитъ.

Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.
Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
За все заплатятъ имъ,—мы гибнемъ даромъ.

Но что-жъ! Пусть такъ! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущимъ гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не надо!

1904. 1905.

XVII.

ФОНАРИКИ.

Столѣтія—фонарики! о сколько васъ во тьмѣ,
На прочной нити времени, протянутой въ умѣ!
Огни многообразные, вы тѣшите мой взглядъ...
То яркіе, то тусклые фонарики горятъ.
Сверкаютъ, разноцвѣтные, въ причудливомъ саду,
Въ которомъ, очарованный, и я теперь иду.
Вотъ пламенники красные,—подъ рядъ по десяти.
Ассирія! Ассирія! мнѣ мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свѣтъ:
Цвѣты въ крови, трава въ крови, и въ небѣ красный слѣдъ.
А вотъ гирлянда желтая квадратныхъ фонарей.
Египетъ! сила странная въ неяркости твоей!
Пронизываетъ глуби всѣ твой безпощадный лучъ,
И тянется властительно съ земли до хмурыхъ тучъ.
Но что горитъ высоко тамъ, и что слѣпитъ мой взоръ?
Надъ озеромъ, о, Индія, застылъ твой метеоръ.
Взнесенный, неподвиженъ онъ, въ пространствахъ—братъ звѣздѣ,
Но пляшутъ отраженія, какъ змѣи, по водѣ.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечетъ,
Простымъ, но яснымъ свѣточемъ украшенъ строгій входъ.
Тебя ли не признаю я, святой Перикловъ вѣкъ!
Ты ясностью, прекрасностью побѣдно мракъ разсѣкъ!
Вхожу: все блескомъ залито, всѣ сны воплощены,
Всѣ краски, всѣ сверканія, всѣ тѣни сплетены!
О, Римъ, свѣтъ ослѣпительный одиннадцати чашъ:

Ты—бѣлый, торжествующій, ты намъ родной, ты нашъ!
Вѣкъ Данте—блескъ таинственный, зловѣще золотой...
Лазурное сіяніе, о, Леонардо,—твой!..
Большая лампа Лютера—лучъ устремленный внизъ...
Двѣ маленькія звѣздочки, вѣкъ суетныхъ маркизъ...
Снопъ молній—Революція! За нимъ громадный шаръ,
О, ты! вѣкъ девятнадцатый, безпламенный пожаръ!
И вотъ стою ослѣпшій я, мнѣ дальше нѣтъ дорогъ,
А сумракъ отдаленія торжествененъ и строгъ.
Къ сырой землѣ лицомъ припавъ, я лишь могу глядѣть,
Какъ вьется, какъ сплетается огней мелькнувшихъ сѣть.
Но вамъ молюсь, безвѣстные! еще въ ночной тѣни
Сокрытые, не жившіе, грядущіе огни!

1905.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

СЛАВА ТОЛПѢ.

Въ пропасти улицъ закинуты,
Городомъ взятые въ плѣнъ,
Что мы мечтаемъ о Солнцѣ потерянномъ!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатныхъ стѣнъ.
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Четкомъ, умѣренномъ,
Взоры отъ красокъ отучены,
Имъ ли въ расплавленномъ золотѣ зорь потонуть!
Гуломъ сопутственнымъ,
Лязгомъ желѣзнымъ
Празднуетъ городъ нашъ медленный путь.
Къ безднамъ все глубже уводятъ излучины...
Намъ къ небесамъ, огнезарнымъ и звѣзднымъ,
Не досягнуть!

Здравствуй же, Городъ, всегда озабоченный,
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Въ царственной смѣнѣ сверканій и тьмы!
Сладко да будетъ намъ въ сумракѣ чувственномъ
Этой всемірной тюрьмы!
Окна кругомъ заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены,—
Сабли, вкусившія крови,—
Всѣ мы — въ цѣпяхъ!
Слушайте-жъ пѣснь храмовыхъ славословій,

Вѣчно живетъ, какъ кумиръ намъ поставленный,—
Каменный прахъ!

Славлю я толпы людскія,
Самодержавныхъ колодниковъ,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянныя башни газетъ.
Славлю я лики благіе
Избранныхъ вѣкомъ угодниковъ—
(Черни признанье—безцѣнная плата,
Дара поэту достойнѣе нѣтъ!)
Славлю я радости улицы длинной,
Гдѣ съ дерзостнымъ взоромъ и мерзостнымъ хохотомъ
Предлагаютъ блудницы
Любовь,
Гдѣ съ ропотомъ, топотомъ, грохотомъ
Движутся лицъ вереницы,
Вновь
Странно задѣты тоской изумрудной
Первыхъ тѣней,—
И летятъ экипажи, какъ строй безразсудный,
Мимо зеркальныхъ сіяній,
Мимо рукъ, что хотятъ подаяній,
Къ ликующимъ вывѣскамъ наглыхъ огней!

Но славлю и день ослѣпительный
(Въ тысячахъ дней неизбѣжный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышаетъ свой голосъ мятежный,
Властительный,
Въ безуміи пьяныхъ веселій
Все прошлое топчетъ во прахѣ,
Играетъ, со смѣхомъ, въ кровавыя плахи,
Но, словно влекома таинственнымъ геніемъ
(Какъ рѣка свои воды къ простору несущая),

Съ неуклоннымъ прозрѣніемъ,
Стремится къ торжественной цѣли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слѣпа,
Открываетъ дорогу въ столѣтья грядущія!

Славлю я правду твоихъ своеволій,
Толпа!

1904.

II.

ДУХИ ОГНЯ.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ,
Фонари въ высотѣ, не мигая, горѣли.
Дѣлали двойственнымъ міръ зеркальныя окна.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли,
Города дѣти и ночи:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ,
Ткани безвѣстной волокна!)
Чета бульварныхъ камелій,
Франтъ въ распахнутомъ пальто,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный...

Звѣзды смотрѣли на міръ, проницая туманы,
Но звѣздъ — въ электрическомъ свѣтѣ — не видѣлъ никто.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Шагъ за шагомъ падалъ я въ бездны,
Въ хаосъ предсвѣтно-дозвѣздный.
Я видѣлъ кипящій базальтъ,
Въ озерахъ стоящій порфиръ,
Ручьи раскаленнаго золота,
И рушились ливни на пламенный міръ,
И снова взносились густыми клубами какъ паръ,
Изорванный молньями въ клочья.

И слышались громы: на огненный шаръ,
Дрожавшій до тайнъ своего средоточья,
Ложились удары незримаго молота.

Въ этомъ горнилѣ вселенной,
Въ этомъ смѣшеньи всѣхъ силъ и веществъ,
Я чувствовалъ жизнь изступленныхъ существъ,
Дыханіе воли нетлѣнной.
О, мои старшіе братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!
Моей душѣ раскройте объятья,
Въ свои предчувствія — свѣты,
Въ свои желанья — пожары
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
Дайте низвергнуться въ вихрь, непрерывный и ярый,
Вашихъ безмѣрныхъ трудовъ и безумныхъ забавъ!
Дайте припасть мнѣ къ сверкающей чашѣ
Васъ опьянявшихъ отравъ!
Вы, — отъ земли къ облакамъ простиравшіе члены,
Вы, кого зыблилъ всегда огнеструйный самумъ,
Водопадъ катастрофъ, —
Дайте причастнымъ мнѣ быть неустанной измѣны,
Дайте мнѣ вашихъ грохочущихъ думъ,
Молнійныхъ словъ!

Я буду соратникомъ вашихъ космическихъ споровъ,
Стихійныхъ сраженій,
Колебавшихъ нашъ міръ на его непреложной орбитѣ!
Я голосомъ стану торжественныхъ хоровъ,
Славящихъ творчество Бога и благость грядущихъ событій,
Въ оркестрѣ домірномъ я стану поющей струной!
Извѣдаю съ вами костры наслажденій,

На огненномъ ложѣ,
Въ объятьяхъ расплавленной стали,
У пылающей пламенемъ груди,
Касаясь устами сжигающихъ устъ!
Я былинка въ волканѣ,—такъ что же!
Вы — духи, мы — люди,
Но земля насъ сроднила единствомъ блаженствъ и печалей,
Безъ насъ, какъ безъ васъ, этотъ шаръ бездыханенъ и пустъ!

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Фонари, не мигая, горѣли,
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ!)
Чета бульварныхъ камелій,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный, —
Города дѣти и ночи...
Звѣзды смотрѣли на міръ, проницая туманы.

1905.

III.

ВЪ СКВЕРѢ.

(Erlkönig).

— Что ты здѣсь медлишь въ померкшей коронѣ,
Рыжая рысь?
Сиріусъ ярче горитъ на уклонѣ,
Открытѣй высь.
Таинства утра свершаетъ во храмѣ.
Предъ алтаремъ, новоявленный день.
Первые дымы встаютъ надъ домами,
Первые шорохи зыблютъ разсвѣтную тѣнь.
Мигъ — и знамена кроваваго цвѣта
Кинетъ по вѣтру, воспрянувъ, Востокъ.
Мигъ — и потребуетъ властно отвѣта
Зовъ на сраженье — фабричный гудокъ.
Улицы жаждутъ толпы, какъ голодные звѣри,
Мигъ — и желанья насытятъ онѣ до конца...
Что же ты медлишь въ блѣднѣющемъ скверѣ,
Царь — въ потускнѣвшихъ лучахъ золотого вѣнца?

Рысь.

— „Да, я — царь! ты — сынъ столицы,
Рабъ каменьевъ, рабъ толпы,
Но меня въ твои границы
Привели мои тропы.

„Здѣсь на улицахъ избита
Вашей поступью трава,
Здѣсь подъ плитами гранита
Грудь земная не жива.

„Здѣсь не стонутъ гордо сосны,
Здѣсь не шепчетъ кругъ осинъ,
Здѣсь побѣденъ шумъ колесный
Да далекій гулъ машинъ.

„Но во мглѣ былого вѣка,
Въ годы юности моей,
Я знавалъ и человѣка
Звѣремъ межъ иныхъ звѣрей.

„Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
Въ города стекла и стали
Отъ деревьевъ, отъ земли.

„Что-жъ теперь, встрѣчая годы
Безпощаднаго труда,
Рветесь вы къ лучамъ свободы,
Дерзко брошенной тогда?

„Тамъ она, гдѣ нѣтъ условій,
Нѣтъ запретовъ, нѣтъ границъ, —
Въ мірѣ силы, въ мірѣ крови,
Тигровъ, барсовъ и лисицъ.

„Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
Въ міръ свободы, въ міръ зеленый
Я, вашъ царь, давно васъ жду.

„Возвращайтесь въ лѣсъ и въ поле,
Освѣжить ихъ вѣтромъ грудь,
Чтобъ въ родной и въ дикой волѣ
Всей природы потонуть!“

1905.

III.

КОНЬ БЛѢДЪ.

И се конь блѣдъ и сидящій на немъ, имя ему Смерть.

Откровеніе, VI, 8.

I

Улица была — какъ буря. Толпы проходили,
Словно ихъ преслѣдовалъ неотвратимый Рокъ.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Былъ неисчерпаемъ яростный людской потокъ.
Вывѣски, вертясь, сверкали перемѣннымъ окомъ,
Съ неба, съ страшной высоты тридцатыхъ этажей;
Въ гордый гимнъ сливались съ рокотомъ колесъ и скокомъ,
Выкрики газетчиковъ и щелканье бичей.
Лили свѣтъ безжалостный прикованныя луны,
Луны, сотворенныя владыками естествъ.
Въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ гулѣ — души были юны,
Души опьянѣвшихъ, пьяныхъ городомъ существъ.

II

И внезапно — въ эту бурю, въ этотъ адскій шопотъ,
Въ этотъ, воплотившійся въ земныя формы бредъ,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топотъ,
Заглушая гулы, говоръ, грохоты каретъ.
Показался съ поворота всадникъ огнеликій,
Конь летѣлъ стремительно и сталъ съ огнемъ въ глазахъ.

Въ воздухѣ еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепетъ, взоры были — страхъ!
Былъ у всадника въ рукахъ развитый длинный свитокъ,
Огненныя буквы возвѣщали имя: Смерть...
Полосами яркими, какъ пряжей пышныхъ нитокъ,
Въ высотѣ надъ улицей вдругъ разгорѣлась твердь.

III

И въ великомъ ужасѣ, скрывая лица, — люди
То безсмысленно взывали: „Горе! съ нами Богъ!"
То, упавъ на мостовую, бились въ общей грудѣ...
Звѣри морды прятали, въ смятеньи, между ногъ.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — въ восторгѣ бросилась къ коню,
Плача цѣловала лошадиныя копыта,
Руки простирала къ огневѣющему дню.
Да еще безумный, убѣжавшій изъ больницы,
Выскочилъ, растерзанный, пронзительно крича:
„Люди! Вы-ль не узнаете Божіей десницы!
Сгибнетъ четверть васъ — отъ мора, глада и меча!"

IV

Но восторгъ и ужасъ длились — краткое мгновенье.
Черезъ мигъ въ толпѣ смятенной не стоялъ никто:
Набѣжало съ улицъ смежныхъ новое движенье,
Было все обычнымъ свѣтомъ ярко залито.
И никто не могъ отвѣтить, въ бурѣ многошумной,
Было-лъ то видѣнье свыше или сонъ пустой.
Только женщина изъ залъ веселья, да безумный
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и ихъ рѣшительно людскія волны смыли,
Какъ слова ненужныя изъ позабытыхъ строкъ.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Былъ неисчерпаемъ яростный, людской потокъ.

1903. 1904.

ВСѢ НАПѢВЫ.

ШЕСТАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

1906—1909.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЭТУ.

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данту, подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь.

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель—
Готовность взойти на костеръ.

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

Въ минуты любовныхъ обычій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

1908.

II.

БЛИЗКОЙ.

Какъ страстно ты ждала отвѣта!
И я тебѣ свой даръ принесъ:
Свой даръ святой, свой даръ поэта,—
Вѣнокъ изъ темно-красныхъ розъ.

Мои цвѣты благоуханны,
Горятъ края изъ лепестковъ,
Но знаетъ розами вѣнчанный
Уколы тайные шиповъ.

Вѣнокъ вовѣки не увянетъ
Надъ тихимъ обликомъ чела,
Но каждый вечеръ снова ранитъ
Тебя сокрытая игла.

Въ вѣнцѣ, какъ на веселомъ пирѣ,—
Ты мученица на крестѣ!
Но будь вѣрна въ невѣрномъ мірѣ
Своей восторженной мечтѣ!

Мой даръ—святой, мой даръ—поэта!
Тебя онъ выше всѣхъ вознесъ.
Гордись, какъ дивнымъ нимбомъ свѣта,
Вѣнкомъ изъ темно-красныхъ розъ!

1907.

I.

ЭЛЕГІИ И БУКОЛИКИ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Отступи, какъ отливъ, все дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань, словно мѣсяцъ, надъ часомъ моимъ!
Слышу, тихо грохочутъ съ волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туманъ превращается въ дымъ.

То въ алмазныхъ вѣнцахъ, то въ вѣнкахъ полевыхъ марга-
ритокъ,
То въ одеждахъ рабынь, то въ багряныхъ плащахъ королевъ,
То, какъ вѣтеръ, смѣясь, то съ лицомъ утомленнымъ отъ
пытокъ,
Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ.

Взоръ вашъ ласковъ, какъ прежде, и шагъ, какъ бывало,
размѣренъ...
Значитъ, тотъ я, что былъ, если прошлый мнѣ міръ возвра-
щенъ:
Подходите, шепчите: я былъ вамъ и буду вамъ—вѣренъ,
Никому не открою я вашихъ священныхъ именъ!

Къ вашимъ ласковымъ пальцамъ прижму воспаленныя вѣки,
Къ вашимъ грудямъ знакомымъ устало прильну головой...
Сестры! нѣжныя сестры! я въ дѣтствѣ вамъ клялся навѣки,
Только съ вами я счастливъ, и только межъ вами я свой!

Затихаетъ вдали успокоенный ропотъ отлива,
На волнахъ потухаетъ змѣиностей лунныхъ игра,
И, въ вѣнкѣ маргаритокъ, склонясь надо мной, торопливо
Мнѣ разсказъ о прожитомъ въ разлукѣ—лепечетъ сестра.

1907.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

I. СУМЕРКИ.

Горятъ электричествомъ луны
На выгнутыхъ, длинныхъ стебляхъ;
Звенятъ телеграфныя струны
Въ незримыхъ и нѣжныхъ рукахъ;

Круги циферблатовъ янтарныхъ
Волшебно зажглись надъ толпой,
И жаждущихъ плитъ тротуарныхъ
Коснулся прохладный покой.

Подъ сѣтью плѣнительно-зыбкой
Притихъ отуманенный скверъ,
И вечеръ цѣлуетъ съ улыбкой
Въ глаза—проходящихъ гетеръ.

Какъ тихіе звуки клавира—
Далекіе ропоты дня...
О, сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

1906.

II.

ФЕВРАЛЬ.

Свѣжей и свѣтлой прохладой
Вѣетъ въ лицо мнѣ февраль.
Новыхъ желаній—не надо,
Прошлаго счастья—не жаль.

Нѣжно-жемчужныя дали
Чуть орумянилъ закатъ.
Какъ въ саркофагѣ, печали
Въ сладкомъ безстрастіи спятъ.

Нѣтъ, не укоръ, не предвѣстье,—
Эти святые часы!
Тихо пришли въ равновѣсье
Зыбкаго сердца вѣсы.

Мигъ между свѣтомъ и тѣнью!
День межъ зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Пѣсни, плывущей со мной.

1907.

III.

У ГРОБА ДНЯ.

День обезсилѣлъ, и западъ багряный
Гордо смежилъ огневые глаза.
Бѣлы, какъ дымъ изъ кадильницъ, туманы,
Строги, какъ сводъ храмовой, небеса.

Звѣзды мерцаютъ, и кротки и пышны,
Какъ предъ иконами вѣнчики свѣчъ.
Вѣтеръ прерывистый, вѣтеръ чуть слышный
Горестно шепчетъ прощальную рѣчь.

Скорбныя тѣни, окутаны чернымъ,
Вышли, влекутъ свой задумчивый хоръ,
Головы клонятъ въ молчаньи покорномъ,
Стелятъ надъ травами траурный флеръ.

Съ тѣнями вмѣстѣ склоняюсь у гроба
Шумно прошедшаго яркаго дня.
Смолкните въ сердцѣ, восторги и злоба!
Тайна и миръ, осѣните меня!

1907.

IV.

ВЕЧЕРЪ СРЕДИ СНѢГОВЪ.

Вѣетъ нѣжная прохлада
Наступающей зимы.
Тѣло свѣжести такъ радо!
Взорамъ бѣлости такъ надо
Въ четкой рамѣ полутьмы!

Надъ равниной ярко-снѣжной
Мѣсяцъ въ небѣ ворожитъ.
Все, какъ въ дѣтствѣ, безмятежно;
Все, какъ въ смерти, неизбѣжно,
Нѣтъ желаній, нѣтъ обидъ.

Путь мой вьется въ безконечность
Межъ полей, какъ мракъ, пустыхъ.
Въ думахъ милая безпечность,
И мечты ласкаетъ встрѣчность
Риѳмъ знакомыхъ и простыхъ.

1908.

V.

БЫТЬ БЕЗЪ ЛЮДЕЙ.

Въ лицо мнѣ вѣетъ вѣтеръ нѣжащій,
На тучахъ алый блескъ погасъ,
И вновь, какъ въ вѣрное прибѣжище,
Вступаю я въ вечерній часъ.

Вотъ кто-то, съ ласковымъ пристрастіемъ,
Со всѣхъ сторонъ протянетъ тьму,
И я упьюсь послѣднимъ счастіемъ:
Быть безъ людей, быть одному!

1908.

НА ГРАНИТАХЪ.

I.

КЪ ШВЕЦІИ.

Въ этомъ морѣ кто такъ щедро
Сѣвъ утесовъ разбросалъ,
Кто провелъ проливы въ нѣдра
Вѣковѣчныхъ скалъ?

Кто, художникъ, словомъ дивнымъ,
Возрастилъ угрюмый боръ
По извивамъ непрерывнымъ
Матовыхъ озеръ?

Кто въ безлунной мглѣ столѣтій,
Какъ въ родной и вѣрный домъ,
Велъ народъ на камни эти
Роковымъ путемъ?

Кто, подъ вопли вьюги снѣжной,
Подъ упорный зовъ зыбей,
Сохранилъ сурово-нѣжный
Говоръ древнихъ дней?

Въ часъ раздумій, въ часъ мечтаній,
Въ тихій отдыхъ отъ заботъ,
Въ свѣтѣ сѣверныхъ сіяній,
У мятежныхъ водъ,

Кто-то создалъ эту сказку
Про озера и гранитъ,
И въ дали вѣковъ развязку
Вымысла таитъ!

1906.

II.

НА МЭЛАРѢ.

Нѣжно вѣетъ свѣжій вѣтеръ,
Сладко млѣетъ свѣтлый Мэларъ,
Солнце медлитъ надъ закатомъ,
Озаривъ огнями даль,—
Въ небѣ, слабо-розоватомъ,
И въ водѣ, литой какъ сталь.

Здравствуй, прежній, свѣжій вѣтеръ,
Здравствуй, новый, свѣтлый Мэларъ,
Сосны темныя по склонамъ,
Пятна яркія листвы,
И надъ берегомъ зеленымъ,
Благость вѣчной синевы!

1906.

III.

СТОКГОЛЬМЪ.

Словно надъ глубями зеркала,
Ты изъ гранита возникъ,
Въ зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойникъ.

Сынъ вѣчно-женственной родины,
Весь ты въ любимую мать!
Трудно-ль въ осанкѣ усвоенной
Нѣжность души угадать!

Ты, какъ сосна Далекарліи,—
Строенъ, задумчивъ и прямъ.
Годы тебя не состарили,
Снѣгомъ скользнувъ по кудрямъ.

Витязь плѣнительный Сѣвера,
Ты головой не поникъ!
Весело въ зеркалѣ Мэлара
Твой ускользаетъ двойникъ.

1906.

IV.

НА ГРАНИТАХЪ.

Снова долгій тихій вечеръ.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечетъ
Надъ волной роскошно-алой.

И не зная, здѣсь я, нѣтъ ли,
Чѣмъ дышу—мечтой иль горемъ,—
Западъ гаснетъ, пышно свѣтелъ,
Надъ безумно свѣтлымъ моремъ.

Имъ неслышенъ,—имъ, безстрастнымъ,—
Шопотъ страсти, ропотъ гнѣва.
Небо хочетъ быть прекраснымъ.
Море хочетъ быть—какъ небо!

Волны быстро нижутъ кольца,
Кольца рдянаго заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все—навѣкъ, все—безъ возврата!

1906.

V.

ВЪ МОРѢ.

Ночью свѣтлой, ночью бѣлой
Любо волнамъ ликовать,
Извиваться влажнымъ тѣломъ,
Косы пѣнныя взметать;

Хороводомъ въ плавной пляскѣ
Парусъ старый обходить,
За кормой играя въ прятки,
Вить серебряную нить;

И въ припадкахъ краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагія груди
Золотымъ лучамъ луны;

А потомъ, дрожа отъ счастья,
Тихо вскрикивая вдругъ,
Въ глубину ронять запястья
Съ утомленныхъ страстью рукъ.

1906.

VI.

УГРЮМЫЙ ЧАСЪ.

На высяхъ дремлетъ боръ сосновый;
Глуха холодная волна;
Закатъ загадочно-багровый
Въ водѣ—горитъ какъ сонъ лиловый;
Угрюмость, блескъ и тишина.

Надъ гладью водъ орелъ усталый
Качаетъ крыльями, спѣша.
Его тревожитъ отблескъ алый,—
И вотъ на сумрачныя скалы
Онъ палъ, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнетъ
Свѣтъ, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнетъ,
И бѣлымъ призракомъ возникнетъ
Надъ озаренной глубиной.

1906.

VII.

НА ГОТЛАНДѢ.

Тощій мохъ, кустарникъ чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Бѣлой пыли пелена...

Древней пылью посѣдѣли
Можжевельникъ и гранитъ.
Этотъ міръ достигъ до цѣли
И, какъ мудрый старецъ, спитъ.

А за гранями обрывовъ
Волнъ восторженный разбѣгъ,
И на камняхъ, вдоль заливовъ,
Пѣна, чистая, какъ снѣгъ.

1906.

VIII.

ВИСБИ.

Старый Висби! Старый Висби!
Какъ твоихъ руинъ понятны—
Скорбь о годахъ, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится имъ былая слава,
Въ морѣ синемъ городъ бѣлый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смѣхомъ, полный дѣломъ;

Снится—въ гавани просторной
Флотъ, который въ мірѣ славенъ,
Паруса изъ Риги, Кельна,
Съ русскихъ, англійскихъ окраинъ;

Снится звонъ веселый въ праздникъ,
Звонъ двѣнадцати соборовъ,
Дѣвы—всѣхъ цвѣтковъ нарядней,
Площадь, шумная народомъ.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить намъ руины!
Имъ видѣнья грустной дремы
Сохранили міръ старинный.

Съ ними тѣ же кругозоры,
И все то же море къ стѣнамъ
Стелетъ синіе уборы
Съ кружевами бѣлой пѣны.

1906.

IX.

ПРИБОЙ.

Съ шумомъ на бѣлые камни
Черныя волны находятъ,
Мѣрно вставая рядами,
Пѣнныя головы клонятъ.

Море ночное—изъ дали
Валъ за валами торопитъ,
Бѣлые камни—тѣлами
Мертвыхъ воителей кроетъ.

Моремъ упорнымъ, полночнымъ,
Властвуетъ духъ-разрушитель.
Съ шумомъ покорнымъ, немолчнымъ,
Толпы идутъ на погибель.

1906.

X.

ЭХО.

Между горъ грохочетъ эхо
Убѣгающаго поѣзда.
Лунный глазъ то глянетъ слѣпо,
То опять межъ сосенъ скроется.

Сумракъ тайно сблизилъ вѣтви,
Сдѣлалъ скалы смутно-сѣрыми,
И внизу развѣсилъ сѣти
Надъ проливами и шхерами.

Воздвигаетъ ангелъ ночи
Храмъ божественнаго зодчества,
И прохлада вѣетъ въ очи
Вѣчной тайной одиночества.

XI.

ВЪ ШХЕРАХЪ.

Морской заливъ, вошедшій въ сушу
Такъ далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скалѣ недвижной и холодной
Ты вѣсть принесъ,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грезъ!

Но тамъ, гдѣ сосны сонно-строги
И мягокъ мохъ,
Ты слилъ, безъ силъ, свои тревоги
Въ единый вздохъ.

Приникъ лицомъ къ зеленымъ склонамъ,
Въ истомѣ спишь,
И только чайки страннымъ стономъ
Тревожатъ тишь.

1906.

Stockholm.—Nynäshamn.—Wisby.

ВЪ ПОЛѢ.

I.

ВѢКЪ ЗА ВѢКОМЪ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя вьюги
Пустынный просторъ занесли.

Краснѣетъ лукаво гречиха,
Синѣетъ младенческій ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки проходятъ какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

А древніе пращуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.

И дальше тропой неизбѣжной,
Сквозь годы и бѣдствій и смутъ,
Влечется, суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

1907.

II.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Застучалъ весенній дождь.

Вѣтеръ гнетъ струи въ изгибы,
Словно стебли камыша,
Въ небѣ мечутся, какъ рыбы,
Птицы, къ пристани спѣша.

Солнце смотритъ и смѣется,
Гребни травокъ золотя...
Что-жъ намъ, людямъ, остается
Въ мірѣ, зыбкомъ какъ дитя!

Съ солнцемъ смотримъ, съ небомъ плачемъ,
Съ вѣтромъ лугомъ шелестимъ...
Что̀ мы знаемъ? что̀ мы значимъ?
Мы—цвѣты! мы—мигъ! мы дымъ!

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Прошумѣлъ весенній дождь.

1907.

III.

АВГУСТЪ.

И первый листъ любезенъ падшій.
Вяч. Ивановъ.

Здравствуй, Августъ, вѣнчанъ хмелемъ,
Смуглый юноша-сатиръ!
Мы ковры подъ дубомъ стелемъ,
Мы въ лѣсу готовимъ пиръ!

Будь межъ нами гость желанный,
За простымъ лѣснымъ столомъ.
Груды грушъ благоуханны,
Чаши пѣнятся виномъ.

Заплелись багрянцы клена
Въ золотую ткань дубовъ,
Но за ними—небосклона
Синій кругъ безъ облаковъ.

Словно этотъ плодъ созрѣлый,
Лѣто соками полно!
Пей же съ нами, чашей цѣлой,
Вѣчно жгучее вино!

Ты, серпы точившій въ полѣ,
Ты, поднявшій первый цѣпъ,
Славь недѣли полной воли,
Новый плодъ и новый хлѣбъ!

Августъ милый! отрокъ смуглый!
Какъ и мы, ты тоже пьянъ.
Свечерѣло. Мѣсяцъ круглый
Озарилъ круги полянъ.

Мы не споримъ, не ревнуемъ,
Припадая, какъ во снѣ,
Истомленнымъ поцѣлуемъ
Къ обнажившейся спинѣ.

1907.

IV.

ВЪ ЛУГАХЪ.

Задремалъ пастухъ понурый
Надъ унылостью равнинъ.
Тучи медленны и хмуры,
Прѣетъ мята, вѣетъ тминъ.

Спитъ пастухъ и смутно слышитъ,
Жвачку ровную коровъ,
А надъ соннымъ осень дышитъ
Чарой скошенныхъ луговъ.

Спитъ пастухъ, но въ тихомъ стадѣ
Есть другой сторожевой—
Въ бѣломъ дѣдовскомъ нарядѣ
И съ вѣнцомъ надъ головой.

Онъ пришелъ отъ ближней рѣчки,
Гдѣ дрожали тростники:
Передъ нимъ встаютъ овечки,
На него глядятъ быки.

Лошадямъ онъ гривы гладитъ,
Жеребятъ сбираетъ въ кругъ,
И со злой овчаркой ладитъ,
Какъ хозяинъ и какъ другъ.

Спитъ пастухъ, и дышитъ тминомъ,
И во снѣ видѣньямъ радъ...
Тихо бродитъ по долинамъ
Древній пастырь мѣстныхъ стадъ.

1907.

V.

ОСЕННЕЕ ПРОЩАНІЕ ЭЛЬФА.

Въ небѣ благость, въ небѣ радость, Солнце льетъ живую сладость, Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!
Но листокъ родного клена, прежде сочный и зеленый, наклонился и засохъ.

Въ небѣ снова ясность мая, облака уходятъ, тая, въ завлекательную даль.
Но часы тепла короче, холоднѣй сырыя ночи, отлетѣвшихъ птичекъ жаль!

Ахъ! гдѣ тихо ропщутъ воды, вновь составить хороводы легкихъ братьевъ и сестеръ!
Но никто не слышитъ зова, и гудитъ въ отвѣтъ, сурово, порѣдѣвшій, строгій боръ.

Вѣютъ струи аромата, и по нивѣ, грустно сжатой, и по скошеннымъ лугамъ,
Но ни бабочекъ блестящихъ, ни стрекозъ, въ лучѣ дрожащихъ, не видать ни здѣсь, ни тамъ!

Гдѣ вы, братья! сестры, гдѣ вы! наши пляски и напѣвы — отзвенѣли, отошли!
Сгибнуть эльфамъ легкокрылымъ, вмѣстѣ съ августомъ унылымъ, вмѣстѣ съ прелестью земли!

Но сегодня въ небѣ радость! Солнце льетъ, прощаясь, сладость! Солнцу—вѣрность, Солнцу—вздохъ!
Въ мигъ послѣдній, съ тѣмъ же гимномъ, здѣсь, въ лѣсу гостепріимномъ, упаду на сѣрый мохъ!

1908.

VI.

Закатъ спокойный и огнистый,
Какъ пронизалъ лучами ты
И прудъ, рубинно серебристый,
И зелень ветелъ, и цвѣты,

Такъ озари и души эти,
Двоихъ на миръ благослови,
Чтобъ озарилось въ краткомъ свѣтѣ
Глухое озеро любви!

Закатный блескъ! огонь алтарный!
Ты смѣло принимаешь тѣнь,
И гаснешь, вѣря въ лучезарный,
Жемчужный, бирюзовый день!

Но кто, подъ мѣсяцемъ лукавымъ,
Сбѣжитъ съ откоса въ тростники
По темнымъ и росистымъ травамъ,
Бросая въ воздухъ огоньки?

Кто дикимъ хохотомъ отмѣтитъ
Тотъ мигъ, когда всплеснетъ вода,
И новую русалку встрѣтитъ
Насмѣшками на днѣ пруда?

1907.

VII.

РАДУГА.

Семицвѣтнымъ полукругомъ
Ты взнеслась надъ влажнымъ лугомъ,
Утвердивъ въ травѣ края.
Мостъ, который въ долы наши
Велъ Ириду съ горней чашей,
Знаю,—ты мечта моя!

Ты таилась въ капляхъ влаги,
Слозно въ зыбкомъ саркофагѣ,—
Лучъ зиждительный дробя.
Ясный взоръ мой, Божье чудо,
Заглянувъ въ струи,—оттуда
Вывелъ, яркую, тебя!

Но, какъ греза о нездѣшнемъ,
Ты горишь надъ лугомъ вешнимъ,
Въ небѣ, радужнымъ вѣнцомъ.
И, творецъ передъ твореньемъ,
Преклонясь съ благоговѣньемъ,
Я тебѣ пою псаломъ!

1907.

МГНОВЕНІЯ.

I.

ЧАСЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Воспоминанье, съ нѣжной грустью,
Меня въ глаза цѣлуетъ. День
Струей чуть слышной льется къ устью,
И на душу ложится тѣнь.

Вновь какъ морякъ, носимый моремъ,
Всю жизнь я вижу предъ собой,
Съ ея надеждами и горемъ,
Съ ея безумствомъ и мечтой.

И, заслоняя всѣ другіе,
Чуть зримы въ жуткой тишинѣ,
Двухъ женщинъ облики нѣмые
Во мглѣ склоняются ко мнѣ.

То съ дерзкой дрожью сладострастья,
Съ безстыднымъ отблескомъ въ зрачкахъ,
Манятъ меня видѣньемъ счастья,
Забытаго въ холодныхъ дняхъ;

То смотрятъ нѣжно и любовно,
И, не ревнуя, не кляня,
О всемъ погибшемъ плачутъ, словно
И обо мнѣ и за меня!

И снова я изъ бездны черной
Стремлюсь къ далекимъ берегамъ,—
Но кто-то шепчетъ мнѣ упорно,
Что жребій свой я выбралъ самъ.

. . . . . .

День потонулъ во мглѣ безбрежной,
Кругомъ прибой грозящихъ струй...
Воспоминанье, съ грустью нѣжной,
Вновь близитъ страшный поцѣлуй.

1906.

II.

КОТОРЫЙ РАЗЪ.

Опять весна. Знакомый кругъ
Замкнутъ—который разъ!
И снова зеленъ вешній лугъ,
Въ росѣ—вечерній часъ.

Смотрю—какъ мѣсяцъ въ темный прудъ—
Въ зрачки любимыхъ глазъ,
Уста къ устамъ, дрожа, прильнутъ...
Прильнутъ—который разъ!

И будетъ мигъ, какъ долгій сонъ,
Качать, баюкать насъ.
Я странно счастливъ, я влюбленъ...
Влюбленъ!—который разъ?

И въ стройныхъ строфахъ вновь мечты
Поютъ—который разъ!
А мѣсяцъ смотритъ съ высоты—
Вѣковъ холодный глазъ.

1907.

III.

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Грустный сумракъ, грустный вѣтеръ, шелесты въ дубахъ.
Вспоминаетъ вечеръ о далекихъ снахъ.

Вѣтеръ шепчетъ, шепчетъ грустно чье-то имя мнѣ.
Звѣздамъ безпріютно въ черной вышинѣ.

Тотъ же вѣтеръ, гость осенній, всѣ мечты унесъ.
Въ сумракѣ, какъ тѣни, образы березъ.

Сумракъ никнетъ, душу вяжетъ, вечеръ спитъ, я сплю.
Въ тишинѣ кто скажетъ тихое: люблю!

Черенъ сумракъ, вѣтеръ умеръ, умеръ гулъ въ дубахъ.
Въ тишинѣ что думать о погибшихъ снахъ!

1907.

IV.

СНЫ.

Сны играютъ на просторѣ,
Подъ магической луной.

Ѳ. Тютчевъ.

Спите, дѣти! спите, люди!
Въ тихой темнотѣ,
У земной, родимой груди,
Преданы мечтѣ!

Ваши грезы ночь уноситъ
Въ высь своей тропой.
Кроткій мѣсяцъ отблескъ броситъ
На крылатый рой...

Что вамъ утро! Утромъ глянетъ
Безпощадный свѣтъ;
Утромъ душу снова ранитъ
Сталь людскихъ клеветъ.

Трудъ и дряхлая забота
Днемъ васъ стерегутъ,
Властно требуютъ отчета,
Произносятъ судъ.

Днемъ стучатъ, стучатъ лопаты
У глухихъ могилъ,
И во глубь вашъ духъ крылатый
Падаетъ безъ силъ.

Ночь васъ нѣжитъ, ночь уноситъ
Въ лучшій міръ мечты,
Гдѣ луна сіяньемъ коситъ
Звѣздные цвѣты.

Спите, люди! спите, дѣти!
Грезамъ нѣтъ границъ!
Пусть летаютъ въ лунномъ свѣтѣ
Сны, какъ стаи птицъ!

1907.

V.

УСТАЛОСТЬ.

Не дойти мнѣ! не дойти мнѣ! я усталъ! усталъ! усталъ!
Сушь степей гостепріимнѣй, чѣмъ уступы этихъ скалъ!

Всюду камни, только камни! мохъ да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мнѣ! спой мнѣ пѣсню, тишина!

Вотъ роняю посохъ пыльный, вотъ упалъ, въ пыли простертъ.
Вотъ лежитъ, какъ прахъ могильный, тотъ, который былъ такъ гордъ!

Тамъ, за этимъ сѣрымъ кряжемъ, цѣль моихъ завѣтныхъ дней...
Я не встану первымъ стражемъ у Ея святыхъ дверей!

Не склонюсь, цѣлуя свято, въ Храмъ ведущую ступень...
Отъ Востока до Заката надо мной проходитъ день.

Солнце канетъ за уступомъ, ночь протянетъ черный шелкъ,
И сюда за новымъ трупомъ поползетъ за волкомъ волкъ.

Долго-ль взоръ мой будетъ въ силахъ отражать ихъ натискъ злой?
Стынетъ кровь въ замерзшихъ жилахъ! словно факелъ предо мной!

Не дошелъ я! не свершилъ я—подвигъ свой! усталъ! упалъ!
Чу! шуршатъ угрюмо крылья духовъ мести между скалъ!

1907.

VI.

АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ.

Молитва.

Ангелъ благого молчанія,
Властно уста заградн,
Въ часъ когда силой страданія
Сердце трепещетъ въ груди!

Ангелъ благого молчанія,
Радостнымъ быть помоги,
Въ часъ когда шумъ ликованія
Къ небу возносятъ враги!

Ангелъ благого молчанія,
Гордость въ душѣ оживи,
Въ часъ когда пламя желанія
Быстро струится въ крови!

Ангелъ благого молчанія,
Смолкнуть устамъ повели,
Въ часъ когда льнетъ обаяніе
Вѣчно любимой земли!

Ангелъ благого молчанія,
Душу себѣ покори,
Въ часъ когда брежжетъ сіяніе
Долго желанной зари!

Въ тихихъ глубинахъ сознанія
Свѣтитъ святые огни!
Ангелъ благого молчанія,
Душу отъ словъ охрани!

1908.

VII.

ЛИКОРНЪ.

Сонетъ.

Столѣтній боръ. Вечерній сумракъ зеленъ.
Мнѣ щеки нѣжитъ мохъ и мягкій дернъ.
Мелькаютъ эльфы. Гномы изъ расщелинъ
Гранита смотрятъ. Крадется ликорнъ.

Зачѣмъ мой духъ не воленъ и не цѣленъ!
Зачѣмъ въ груди пылаетъ ярый горнъ!
Кто страсть мнѣ присудилъ? и кѣмъ онъ велѣнъ,
Суровый приговоръ безстрастныхъ норнъ?

Свободы! Тишины! Путемъ знакомымъ
Сойти въ пещеру къ празднующимъ гномамъ.
Иль съ дочерьми Царя Лѣсного пѣть,

Иль мирно спать, со мхомъ, съ землей, съ гранитомъ...
Нѣтъ! голосомъ жестокимъ и несытымъ
Звучитъ во мнѣ, считая миги, мѣдь.

1908.

ЭРОТИКА.

ОТРЕЧЕНІЕ.

Секстина.

Все кончено! Я понялъ безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нѣжность
Ни передъ кѣмъ я не пролью,—и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
Въ напрасной жаждѣ вѣщей Красоты!

Какъ сладостно на голосъ Красоты,
Закрывъ глаза, стремиться въ безнадежность,
И бросить жизнь въ кипящую мятежность!
Какъ сладостно сгорѣть въ огнѣ мечты,
Въ безумномъ снѣ, гдѣ слиты „я“ и „ты“,
Гдѣ ранитъ на-смерть лезвеями нѣжность!

Но въ мірѣ, гдѣ любовь на время,—нѣжность
Лишь оскорбленье вѣщей Красоты.
Не бейся, сердце! Въ этой жизни ты
Должно быть изъ желѣза! Безнадежность
Горитъ надъ обликомъ твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
Своихъ порывовъ помню! Помню нѣжность

Своихъ признаній! Весь обманъ мечты!
И что-жъ! Во храмѣ лживой Красоты
Я слышалъ, какъ смѣется Безнадежность,
И самъ, въ отчаяньи, стоналъ: „Не ты!“

Царица думъ и всѣхъ желаній! Ты
Не явишь лика. Взоровъ безмятежность
Мнѣ не покажешь. Ты не примешь нѣжность
Моихъ усталыхъ губъ. Ты „безнадежность“
Дашь мнѣ девизомъ. Тайну Красоты
Дано мнѣ знать лишь въ призракѣ мечты.

И буду я надъ пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: „ты?“
Любуясь ликомъ вѣщей Красоты.
И пусть звучитъ въ моихъ стихахъ мятежность!
Тамъ вся любовь, вся страсть моя, вся нѣжность—
Но ихъ, смѣясь, вѣнчаетъ Безнадежность.

1909.

ΈΡΩΣ ΆΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ.

I.

ВСТРѢЧА.

Близъ медлительнаго Нила, тамъ, гдѣ озеро Мерида, въ царствѣ пламеннаго Ра,
Ты давно меня любила, какъ Озириса Изида, другъ, царица и сестра!
И клонила пирамида тѣнь на наши вечера.

Вспомни тайну первой встрѣчи, день, когда во храмѣ пляски увлекли насъ въ темный кругъ,
Часъ, когда погасли свѣчи, и когда, какъ въ странной сказкѣ, каждый каждому былъ другъ,
Наши рѣчи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдругъ!

Развѣ ты, въ сіяньи бала, легкій станъ склонивъ мнѣ въ руки, черезъ завѣсу временъ,
Не разслышала кимвала, не постигла гимновъ звуки и толпы отвѣтный стонъ?
Не сказала, что разлуки—конченъ, конченъ долгій сонъ!

Наше счастье—прежде было, наша страсть—воспоминанье, наша жизнь—не въ первый разъ,
И, за временной могилой, неугасшія желанья съ прежней силой дышатъ въ насъ,
Какъ близъ Нила, въ часъ свиданья, въ роковой и краткій часъ!

1907.

II.

НЕИЗБѢЖНОСТЬ.

Октавы.

Не все-ль равно, была-ль ты мнѣ вѣрна?
И былъ ли вѣренъ я, не все равно ли?
Не нами наша близость рѣшена,
И взоры уклонить у насъ нѣтъ воли.
Я вновь дрожу, и снова ты блѣдна,
Въ предчувствіи неотвратимой боли.
Мгновенья съ шумомъ льются, какъ потокъ,
И страсть надъ нами взноситъ свой клинокъ.

Кто-бъ насъ ни создалъ, жаждущихъ другъ друга,
Богъ или Рокъ, не все ли намъ равно!
Но мы—въ чертѣ магическаго круга,
Заклятіе надъ нами свершено!
Мы клонимся отъ счастья и испуга,
Мы падаемъ,—два якоря на дно!
Нѣтъ, не случайность, не любовь, не нѣжность,—
Надъ нами торжествуетъ—Неизбѣжность.

1908.

III.

ЕЯ КОЛѢНИ...

Рондо.

Ея колѣни я цѣлую. Тѣни
Склоняются, цѣлуя насъ двоихъ.
Весь міръ вокругъ застѣнчиво затихъ.
Мы—вымыселъ безвѣстныхъ вдохновеній,
Мы—стараго рондо пѣвучій стихъ.

Пѣвецъ забытый! Братъ временъ святыхъ!
Ты пѣснѣ ввѣрилъ жалобы и пени,
И вотъ сегодня мнѣ поютъ твой стихъ
Ея колѣни:

„Въ вѣнкѣ изъ терній дни мои; межъ нихъ
„Одинъ лишь часъ въ уборѣ изъ сирени.
„Какъ Суламиѳи—домъ, гдѣ спитъ женихъ,
„Какъ Александру—дверь въ покой къ Еленѣ,
„Такъ были сладостны для губъ моихъ
„Ея колѣни".

1908.

IV.

ЛИШЬ ОДНОГО!

Газэлла.

Лишь одного: я быть съ тобой хочу!
Съ твоей мечтой слить трепетъ свой—хочу!

Надъ глубью глазъ повиснувъ въ высотѣ,
Дышать ихъ ночью, влажной тьмой—хочу!

Въ гробу объятій, въ жуткой тѣснотѣ,
Услышать близко сердца бой—хочу!

Вдвоемъ спѣшить къ мучительной метѣ,
И вмѣстѣ пасть у цѣли той—хочу!

Какъ палачу, отдаться красотѣ,
И съ плахи страсти крикнуть: „твой!"—хочу!

1908.

V.

КЪ ПАСИФАѢ.

Сонетъ.

Нѣтъ, не тебя такъ рабски я ласкаю!
Въ тебѣ я женщину покорно чту,
Земной души завѣтную мечту,
За ней влекусь къ предсказанному раю!

Я чту въ тебѣ твою святыню,—ту,
Чей ясный лучъ сквозь дымъ я прозрѣваю.
Я, упоивъ тебя, какъ Пасифаю,
Подъемлю взоръ къ тебѣ, какъ въ высоту!

Люби иль смѣйся,—счетовъ нѣтъ межъ нами,—
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всѣхъ путяхъ, подъ всѣми именами,
Ты—воплощенье тайны міровой,
Ты—мой Грааль, я—вѣрный рыцарь твой!

1907.

VI.

НОЧНЫЕ ЦВѢТЫ.

Цѣлый день спятъ ночные цвѣты...

А. Фетъ.

Подъ зноемъ дня въ пыли заботы
На придорожьяхъ суеты,
Въ безсильи тягостной дремоты,
Висятъ священные цвѣты.

Но лишь, предвѣчная колдунья,
Начертитъ Ночь волшебный кругъ:
Въ огняхъ луны и въ тьмѣ безлунья
Ихъ стебли оживаютъ вдругъ.

И, какъ уста, открывъ глубины
Своихъ багряныхъ лепестковъ,
Цвѣты съ полей, цвѣты съ куртины
Согласно тянутся на зовъ.

Дыша любовью и измѣной,
Цвѣтокъ впивается въ другой,
И сладко падаетъ, какъ пѣной,
Обрызганъ утренней росой.

1906.

VII.

ПРИЗРАКЪ НЕИЗБѢЖНЫЙ.

Тріолеты.

Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ,
Склонился медленно ко мнѣ.
Твой ликъ, загадочный и нѣжный,
Возникъ въ моемъ тревожномъ снѣ.
Встрѣчаю призракъ неизбѣжный:
Твой ликъ загадочный и нѣжный,
Какъ отраженье въ глубинѣ.

Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь,
И сладко мнѣ въ огнѣ тонуть.
Твои уста—какъ уголь жгучій!..
Мой сонъ! полнѣй и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, какъ уголь жгучій,
Язвятъ мнѣ очи, плечи, грудь.

Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея,
Вбираетъ жадно жизнь моя.
Неспѣшный ужасъ сладострастья

Растетъ, какъ бури шумъ,—и я
Благословляю стономъ счастья
Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея.

1908.

VIII.

ВЪ ПОТОКѢ.

Я былъ простертъ, я былъ какъ мертвый. Ты богомольными руками мой станъ безвольный обвила,
Ты распаленными устами мнѣ грудь и плечи, лобъ и губы, какъ краснымъ углемъ, обожгла.

И, множа странные соблазны, мѣняя ликъ многообразный, въ меня впиваясь сотней жалъ,
Духъ непокорный съ башни черной ты сорвала рукой упорной, и съ нимъ низринулась въ провалъ.

Въ безсильи падая, лишь крылья я видѣлъ надъ собой—да алый, отъ свѣжей крови влажный, ротъ.
И скалы повторяли крики, и чьи-то поблѣднѣли лики, и пали мы въ водоворотъ.

И я не спорилъ съ темнымъ Рокомъ. Мой трупъ неистовымъ потокомъ несло по остріямъ камней,
И когти мнѣ терзали тѣло, и сердце слабое нѣмѣло, и ужасъ былъ въ душѣ моей.

Но въ мигъ послѣдній онѣмѣнья, вдругъ совершилось возрожденье, и успокоенный потокъ
Внезапно, съ нѣжностью небрежной, мой трупъ, страданьемъ искаженный, отбросилъ сонно на песокъ.

1908.

IX.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Que tes mains soient bénies,
car elles sont impures!

Remy de Gourmont.

Сіянье глазъ твоихъ благословляю!
Въ моемъ бреду свѣтило мнѣ оно.

Улыбку устъ твоихъ благословляю!
Она меня пьянила, какъ вино.

Твоихъ лобзаній ядъ благословляю!
Онъ отравилъ всѣ думы и мечты.

Твоихъ объятій серпъ благословляю!
Все прошлое во мнѣ имъ сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упалъ въ его костеръ.

Весь мракъ души твоей благословляю!
Онъ надо мной свое крыло простеръ.

За все, за все тебя благословляю,
За скорбь, за боль, за ужасъ долгихъ дней,

За то, что влекся за тобою къ Раю,
За то, что стыну у его дверей!

1908.

X.

ПОТОМОКЪ.

Древній замокъ мой весь золотой и мраморный,
Въ немъ покои изъ серебряныхъ зеркалъ;
Залъ одинъ всегда закрытъ портьерой траурной...
Въ новолуніе вхожу я въ этотъ залъ.

Въ этотъ день съ утра все въ замкѣ словно вымерло
Голосъ не раздастся и не видно слугъ,
И одинъ въ моей капеллѣ, безъ пресвитера,
Я творю молитвы,—съ ужасомъ самъ-другъ.

Вечеръ настаетъ. Увѣреннымъ лунатикомъ
Прохожу во мракѣ по глухимъ коврамъ,
И гордятся втайнѣ молодымъ соратникомъ
Темные портреты предковъ по стѣнамъ.

Ключъ завѣтный, въ двери черной, стонетъ радостно,
Съ тихимъ шелестомъ спадаетъ черный флеръ,
И до утра мракъ и тишь надъ тайной яростной,
Мракъ и тишь до утра кроютъ мой позоръ.

При лучахъ разсвѣта, снова побѣжденный, я
Выхожу—безсиленъ,—блѣденъ, и въ крови,
Видны черезъ дверь лампады мной зажженныя,
Но портреты старые твердятъ: живи!

И живу, опять томлюсь до новолунія,
И опять иду на непосильный бой.
Скоро-ль въ залѣ томъ, гдѣ скрылся наканунѣ я,
Буду я простертъ по утру—не живой?

1908.

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ.

I.

РАННЯЯ ОСЕНЬ.

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей.
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохомъ, подъ вѣтромъ, ихъ нѣжащемъ,
Тихо взлетаютъ и катятся вдаль,
(Думы о прошломъ въ видѣніи нѣжащемъ).
Жить и не жить—хорошо и не жаль.
Острымъ серпомъ, безболѣзненно рѣжущимъ,
Сжаты въ душѣ и восторгъ и печаль.

Ясное солнце—безъ прежней мятежности,
Дождь—словно капли струящихся росъ,
(Томныя ласки безъ прежней мятежности),
Запахъ, въ садахъ, доцвѣтающихъ розъ.
Въ сердцѣ родникъ успокоенной нѣжности,
Счастье—безъ ревности, страсть—безъ угрозъ.

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни, предъ разлукой, осенніе!
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ, и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердецъ!

1905.

II.

НА НѢЖНОМЪ ЛОЖѢ.

Ты пѣсенъ ждешь?—Царица, нѣтъ ихъ!
Въ душѣ нѣтъ словъ, огня—въ умѣ.
А сколько громкихъ, сколько спѣтыхъ—
Все о тебѣ—въ моей тюрьмѣ!

Одна мечта, одна тревога
Была со мной въ аду моемъ:
Сойдешь ли ты, какъ ангелъ Бога,
Ко мнѣ, сегодня, съ палачомъ?

И свѣтъ являлся. Тамъ, у двери,
Рабы сдвигали копья въ строй,
А ты, подобная пантерѣ,
Свой бичъ взносила надо мной.

О, этотъ бичъ! Онъ былъ такъ сладокъ!
Пьянилъ онъ, какъ струя вина!
И ты,—загадка изъ загадокъ!—
Давала кубокъ пить до дна!

Восторгъ былъ—въ каждомъ содроганьи,
И стонъ мой—исторгала страсть.
Я исчезалъ въ одномъ желаньи:
Куда-то ниже, ниже пасть...

Ты уходила. На соломѣ
Я былъ простертъ, чуть живъ, въ крови,
И пѣлъ въ ласкательной истомѣ
Глаза прекрасные твои!

О, сколько пѣсенъ! Эти звуки
Надъ яснымъ прошлымъ—какъ вѣнцы.
Пусть эта грудь и эти руки
Хранятъ священные рубцы!..

. . . . . .
И вотъ я здѣсь, на нѣжномъ ложѣ.
Къ моимъ устамъ ты жмешь уста!
Ты вся со мной... Царица! что же!
Гдѣ боль? гдѣ пѣсня? гдѣ мечта?

1908.

III.

СНОВА.

Почему мы снова связаны
Страсти пламеннымъ жгутомъ?
Иль не всѣ слова досказаны
Въ черномъ, призрачномъ быломъ?

Почему мы снова вброшены
Вмѣстѣ въ тайну темноты?
Иль не всѣ надежды скошены,
Словно осенью цвѣты?

Мы, безвольные, простертые,
Вновь—на ложѣ страстныхъ мукъ.
Иль въ могилѣ двое, мертвые,
Оплели изгибы рукъ?

Или тѣни безтѣлесныя,
Давней страсти не забывъ,
Все хранятъ объятья тѣсныя,
Длятъ безсмысленный порывъ?

Боже сильный, власть имѣющій,
Воззови насъ къ жизни вновь,—
Иль оставь въ могилѣ тлѣющей,—
Страшенъ, страшенъ сонъ яснѣющій,
Наша мертвая любовь!

1908.

IV.

ХОЛОДЪ.

Холодъ, тѣло тайно сковывающій,
Холодъ, душу очаровывающій...

Отъ луны лучи протягиваются,
Къ сердцу иглами притрагиваются.

Въ этомъ блескѣ—все осилившая власть,
Умираетъ обезкрылѣвшая страсть.

Все во мнѣ—лишь смерть и тишина,
Цѣлый міръ—лишь твердь и въ ней луна.

Гаснутъ въ сердцѣ не взлелѣянные сны,
Гибнутъ цвѣтики осмѣянной весны.

Снѣгъ сѣтями разстилающимися
Вьетъ надъ днями забывающимися,

Надъ послѣдними привязанностями,
Надъ святыми недосказанностями!

1908.

V.

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Понялъ! мы въ раю!

Stephanos.

—„Ты—мой, какъ прежде?“—„Твой, какъ прежде!“
—„Ты счастливъ?“—„Счастливъ.“—„Все, какъ прежде!“

Полночь въ стекла сонно бьетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

—„Цѣлуй меня! Цѣлуй, какъ прежде!“
—„Тебя цѣлую я, какъ прежде!“

Заступъ въ землю глухо бьетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

—„Мы въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде?“
—„Да, въ мірѣ лишь вдвоемъ, какъ прежде.“

Кто сказалъ, что гробъ несутъ?
Четокъ, четокъ стукъ минутъ!

—„А гдѣ жъ блаженство, то, что прежде?“
—„Блаженство было, прежде, прежде!“

Чу! земли за комомъ комъ.
Ночь застыла за окномъ.

—„Иль мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде?“
—„Да, мы въ могилѣ, вновь, какъ прежде“.

Вѣтеръ травы сонно мнетъ.
Ночь свершаетъ свой обходъ.

1908.

VI.

УМИРАЮЩІЙ КОСТЕРЪ.

Бушуетъ вьюга и взметаетъ
Вихрь надъ слабѣющимъ костромъ;
Холодный снѣгъ давно не таетъ,
Ложась вокругъ огня кольцомъ.

Но мы, прикованные взглядомъ
Къ послѣдней, черной головнѣ,
На ложе смерти никнемъ рядомъ,
Какъ въ нѣжномъ и счастливомъ снѣ.

Пусть молкнутъ зовы безъ отвѣта,
Пусть торжествуютъ ночь и ледъ,—
Во снѣ мы помнимъ праздникъ свѣта,
Да искръ безумный хороводъ!

Ликуетъ вьюга, давитъ тупо
Намъ грудь фатой изъ серебра,—
И къ утру будемъ мы два трупа
У заметеннаго костра!

1908.

VII.

ИЗЪ ТИХИХЪ БЕЗДНЪ.

Изъ тихихъ безднъ—къ тебѣ послѣдній крикъ,
Изъ тихихъ безднъ, гдѣ твой завѣтный ликъ,
Какъ призракъ жизни надо мной возникъ.

Сомкнулся пологъ голубой воды,
И свѣтитъ странно въ окна изъ слюды
Медузы блескъ и блескъ морской звѣзды.

Среди коралловъ и гранитныхъ глыбъ
Сіяютъ стаи разноцвѣтныхъ рыбъ.
Знакомый міръ—ушелъ, отцвѣлъ, погибъ.

Я смертно стыну въ неотступномъ снѣ...
Зачѣмъ же ты, въ холодной глубинѣ,
Какъ призракъ жизни, клонишься ко мнѣ?

Я въ тихихъ безднахъ помню прошлый рай.
Изъ тихихъ безднъ къ тебѣ мой крикъ,—внимай:
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ,—прощай!

1907.

ОБРЕЧЕННЫЙ.

I.

ГОЛОСЪ.

„Ты—мой, моей рукой отмѣченъ,
И я, увѣренная, жду.
Играй, безуменъ и безпеченъ,
Отъ счастья смѣйся, плачь въ бреду.—
Ты вдругъ очнешься, въ часъ закатный,
Поймешь мой зовъ, лишь сердцу внятный,
И съ воплемъ крикнешь мнѣ: иду!

Ты многимъ клялся: буду вѣренъ!
Ты многимъ говорилъ: я—твой!
Но неизмѣненъ и размѣренъ
Событій трепетъ роковой.
Что было,—только предвѣщанья,
Что было,—лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты самъ не понялъ, не извѣдалъ
Своей послѣдней глубины,
Ты душу радостности предалъ,
Какъ зыби медленной волны.
Я жду тебя съ мечомъ разящимъ.
Въ быломъ, въ грядущемъ, въ настоящемъ—
Мнѣ дни твои обречены!"

1907.

II.

ОТВѢТЪ.

Остро и пламенно ранитъ
Взоръ твой, блестящій клинокъ.
Сердце искать не устанетъ,
Сердце,—какъ въ маѣ цвѣтокъ.
Снова ли душу обманетъ
Богомъ назначенный срокъ?

Року иду я на встрѣчу,
Взоръ упирая во взоръ:
Рыцарь—въ жестокую сѣчу,
Вѣрный—на ярый костеръ.
Ты позовешь,—я отвѣчу,
Скажешь,—приму приговоръ.

Долго я ждалъ. Неужели
Дрогнетъ и эта рука?
Строгія струны пропѣли,
Цѣль моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цѣли...
А! синій отблескъ клинка!

1907.

III.

ОСЕНЬЮ.

Небо ярко, небо сине
Въ чистомъ золотѣ вѣтвей,
Но струится тѣнь въ долинѣ,
И звенитъ вокругъ чуть слышно
Нѣжный зовъ—не знаю чей.

Это призракъ или птица
Бѣло рѣетъ въ вышинѣ?
Это осень или жрица,
Въ ризѣ пламенной и пышной,
Наклоняетъ ликъ ко мнѣ?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихій путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркія одежды,
Понялъ, понялъ,—для меня!

Это ты—на смертномъ ложѣ
Ждешь покорнаго тебѣ!
Пусть же тѣнь ложится строже!
Я иду, закрывши вѣжды,
Вѣренъ Тайнѣ и Судьбѣ.

1907.

IV.

СЕБАСТІАНЪ.

На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленномъ огнѣ горишь ты и сгораешь,
Свой стонъ тая.

Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами,
Безъ силъ вздохнуть.
Стоишь, какъ Себастьянъ, пронизанный стрѣлами
Въ плечо и грудь.

Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрятъ,
Сгибая лукъ.
Твои враги кругомъ, съ веселымъ смѣхомъ, смотрятъ
На смѣны мукъ.

Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ вечерній часъ.
Горитъ костеръ, горитъ, и стрѣлы жалятъ нѣжно
Въ послѣдній разъ.

Что-жъ не спѣшитъ она къ твоимъ устамъ предсмертнымъ,
Твоя мечта?
Что-жъ не спѣшитъ она—къ твоимъ устамъ предсмертнымъ
Прижать уста!

1907.

V.

ВИДѢНІЕ.

Въ сумракѣ вечера ты—неподвижна,
Въ бѣломъ священномъ вѣнцѣ.
Въ сумракѣ вечера мнѣ непостижна
Скорбь на спокойномъ лицѣ.

Двое мы. Сумракъ холодный, могильный
Выдалъ мнѣ только тебя.
Двое мы. Или одинъ я, безсильный,
Медлю во мракѣ, скорбя?

Смотришь ты строгимъ и вдумчивымъ взоромъ...
Это прощанье иль зовъ?
Смотришь ты въ сердце съ безгнѣвнымъ укоромъ,
Словно изъ глуби вѣковъ.

Ты-ль это? та, передъ кѣмъ, какъ предъ тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты-ль это здѣсь, или призракъ случайный:
Лучъ и игра темноты?

Медлю во мракѣ глухомъ и глубокомъ,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю,—вѣдь если ты послана Рокомъ
Мнѣ не уйти отъ тебя!

1907.

VI.

БОЙ.

Нѣтъ, не могу покориться тебѣ!
Нѣтъ, буду вѣренъ послѣдней судьбѣ!

Та, кто придетъ, чтобы властвовать мной,—
Приметъ мой вызовъ на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступитъ ко мнѣ;
Ликъ ея будетъ—какъ призракъ въ огнѣ.

Щитъ въ ея легкой рукѣ проблеститъ,
Съ трескомъ расколется твердый мой щитъ.

Тщетно свой мечъ подниму на нее,—
Въ панцырь мой вражье вонзится копье.

Шлемъ мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинетъ меня.

И, окровавленъ, безъ силъ, чуть живой,
Радостно крикну изъ праха: „Я—твой!"

1907.

V

ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛЪ.

Лунный дьяволъ, блѣдно матовые,
Наклонилъ къ землѣ рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрятъ съ неба на снѣга,
Словно тихо міръ захватывая
Въ сѣти хитраго врага.

Руки, тонкой сѣтью сдавленныя,
Безъ надеждъ упали ницъ,
Рѣютъ тѣни новоявленныя,
Словно стаи пестрыхъ птицъ.
Вижу вспышки молній, вправленныя
Въ бархатъ сумрачныхъ рѣсницъ.

Знаю, знаю:—крѣпко скрученнаго
Опрокинешь ты во мглу,
Къ синимъ молніямъ пріученнаго,
Покоришь глухому злу,
И потомъ въ врага замученнаго
Кинешь вѣрную стрѣлу!

Лунный дьяволъ! Блѣдно матовые,
Наклони къ землѣ рога!
Взоры, призрачно агатовые,
Съ высоты вонзи въ снѣга,
И меня и міръ захватывая
Въ сѣть коварнаго врага!

1907

VIII.

LA BELLE DAME SANS MERCI.

Я не покрылъ лица забраломъ,
Не поднялъ твердаго щита,—
Я ждалъ одинъ, надъ темнымъ валомъ,
Гдѣ даль безмолвна и пуста.
Я звалъ: „Стрѣла чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мнѣ предстань во мглѣ тумана,
La belle dame sans merci!"

Свершалъ я тайные обряды
Предъ алтаремъ въ молчаньи залъ.
Прекрасной Дамы безъ пощады
Я вѣчный призракъ заклиналъ:
„Явись, какъ мѣсяцъ надъ печалью,
Мой приговоръ произнеси,
Пронзи мнѣ сердце вѣрной сталью,
La belle dame sans merci!"

Встрѣчалъ я ликъ, на твой похожій,
За нимъ стремилъ покорный путь,
Какъ на костеръ, всходилъ на ложе,
Какъ въ плаху, поникалъ на грудь.
„Сожги меня послѣдней страстью,
Иль въ строгій холодъ вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!"

Но шла ты годъ за годомъ, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Какъ Рокъ, не стала предо мной!
Приди,—огнемъ любви и муки
Во мнѣ всѣ жажды погаси,
И погрузи мнѣ въ сердце руки,
La belle dame sans merci!

1907.

СОНАТЫ.

I.

ОБРЯДЪ НОЧИ.

Словно въ огненномъ дымѣ и лица и вещи...
Какъ хорошъ, при огняхъ, ограненный хрусталь!..
За плечомъ у тебя вѣетъ призракъ зловѣщій...
Ты—мечта и любовь! ты—укоръ и печаль!..

Словно въ огненномъ дымѣ земныя видѣнья...
А со дна подымаются искры вина,
Умираютъ, вздохнувъ и блеснувъ на мгновенье!..
Ты прекрасна, какъ смерть! ты, какъ счастье, блѣдна!

Слышу говоръ, и хохотъ, и звоны стакановъ.
Это дьяволы вышли, подъ мѣсяцъ, на лугъ?
Но мы двое стоимъ въ колыханьи тумановъ,
Насъ отъ духовъ спасетъ зачарованный кругъ.

Ты мнѣ шепчешь. Что̀ шепчешь? Не знаю, не надо.
Умираетъ, смѣясь, золотое вино...
О, тоска твоего утомленнаго взгляда!
Этотъ мигъ безнадежный мнѣ снился давно!

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.

Плакать такъ сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядомъ—поникшій
Ликъ дорогой!

Гвозди желѣзные
Въ руки вонзаются,
Счастье распятья
Душитъ меня,
Падаю въ бездны я.
Тѣсно сжимаются
Руки, объятья,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа пѣвучая.
Кто-то возникшій
Машетъ рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нѣжность къ поникшей,
Къ ней, къ дорогой!

О, святые хороводы, на таинственной полянѣ, близъ звенящихъ тихо струй,
Праздникъ ночи и природы, послѣ сладкихъ ожиданій, возвращенный поцѣлуй!

О незнанье! о невинность! робость радостнаго взгляда, перекрестный бой сердецъ!
И сліянье въ сказкѣ длинной, тамъ, гдѣ боль уже — услада, гдѣ блаженство и конецъ!

И сквозь сумрачныя сѣти, что сплели высоко буки, проходящій лучъ луны,
И въ его волшебномъ свѣтѣ чьи-то груди, чьи-то руки беззащитно сплетены!

Но почему темно? Горятъ безсильно свѣчи.
Пустой, громадный залъ чуть озаренъ. Тѣхъ нѣтъ.
Ихъ смолкли хохоты, ихъ отзвучали рѣчи.
Но насъ съ тобой связалъ мучительный обѣтъ,

Идемъ творить обрядъ! Не въ сладкой, дѣтской дрожи,
Но съ ужасомъ въ зрачкахъ,—извивы губъ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланномъ ложѣ,
И ждать, что страсть придетъ, незваная, какъ тать.

Какъ милостыню, я приму покорно тѣло,
Вручаемое мнѣ, какъ жертва палачу.
Я всѣхъ святынь коснусь безжалостно и смѣло,
Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу,—и получу.

Но жертва кто изъ насъ? Ты брошена на плахѣ?
Иль осужденный—я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красныхъ крыльевъ взмахи!
Голгоѳа кончилась. Свершилось. Мы въ аду.

1906. 1908.

II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Она.

Я пришла къ дверямъ твоимъ
Послѣ многихъ лѣтъ и зимъ.
Вѣдавъ грѣшные пути,
Не достойна я войти
Въ домъ, гдѣ Счастье знало насъ.
Я хочу въ послѣдній разъ
На твои глаза взглянуть,
И въ безвѣстномъ потонуть.

Онъ.

Ты пришла къ дверямъ моимъ,
Гдѣ такъ много лѣтъ и зимъ,
Съ неизмѣнностью любя,
Я покорно ждалъ тебя.
Горьки были дни разлукъ,
Пусть же, послѣ жгучихъ мукъ,
То же Счастье, какъ въ быломъ,
Осѣняетъ насъ крыломъ.

Она.

Другъ! я вѣдала съ тѣхъ поръ
Всѣ паденья, весь позоръ!

Въ жаждѣ призрачныхъ утѣхъ,
Цѣловала жадно грѣхъ!
Слѣдъ твоихъ безгрѣшныхъ ласкъ
Обнажала въ вихрѣ пляскъ!
Твой дѣлившее восторгъ,
Тѣло—ставила на торгъ!

Онъ.

Другъ! ты вѣдала съ тѣхъ поръ,
Какъ жестокъ людской укоръ!
Рѣчью ласковой позволь
Успокоить эту боль;
Дай уста, въ святой тоскѣ,
Вновь прижать къ твоей рукѣ,
Дай молить тебя, чтобъ вновь
Ты взяла мою любовь!

Она.

Все былое мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостныхъ ночей,
И объятій, и рѣчей,
Какъ цвѣты бросая въ грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно въ нихъ
Всѣхъ возлюбленныхъ моихъ!

Онъ.

Что̀ свершила ты, давно
Прощено,—освящено
На огнѣ моей любви!
Душный, долгій сонъ порви,

Выйди вновь къ былымъ мечтамъ,
Словно жрица въ прежній храмъ!
Этотъ сумрачный порогъ
Всѣ святыни оберегъ!

Она.

Я не смѣю, не должна...
Здѣсь сіяла намъ весна!
Здѣсь вплетала въ смоль волосъ
Я вѣнокъ изъ желтыхъ розъ!
Здѣсь, при первомъ свѣтѣ дня,
Ты молился на меня!
Гдѣ то утро? гдѣ тотъ май?
Отсіяло все. Прощай!

Онъ.

Нѣтъ, ты смѣешь! ты должна!
Ты—тотъ май, и та весна,
Жемчугъ утръ и розъ янтарь!
Ты—моей души алтарь,
Вѣчно чистый и святой!
И, во прахѣ предъ тобой,
Вновь цѣлую я, безъ словъ,
Пыльный слѣдъ твоихъ шаговъ!

1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, отмѣченные звѣздочкой, не входили въ собраніе „Пути и Перепутья"; отмѣченные двумя звѣздочками появляются въ печати въ первый разъ.

Стр.

Предисловіе къ томамъ IV и V VII

Stephanos.

Посвященіе.

I. Вячеславу Иванову 13

Вечеровыя пѣсни.

I. Привѣтствіе 17
II. Воздухъ становится синимъ 19
III. Помню вечеръ, помню лѣто. 20
IV. Туманъ 21
V. Голосъ прошлаго 23
VI. Охотникъ 24
VII. Цѣленіе 25
VIII. Тишина 26
IX. Первыя встрѣчи. 27
X. Вечеръ послѣ дождя. 29

На Саймѣ.

I. Меня, искавшаго безумій 33
II. Желтымъ шелкомъ, желтымъ шелкомъ 34
III. Въ дали, благостно сверкающей 35
IV. Мохъ, да верескъ, да граниты 36
V. Я—упоенъ! мнѣ ничего не надо! 37

Стр.

VI. Мы въ лодкѣ вдвоемъ, и ласкаетъ волна 38
VII. Голубое, голубое 39
** VIII. Воздухъ живительный, воздухъ смолистый 40

Правда вѣчная кумировъ.

I. Къ Деметрѣ 43
II. Адамъ и Ева 45
III. Орфей и Эвридика 47
IV. Медея. 50
V. Бальдеру Локи 53
VI. Тезей Аріаднѣ 55
VII. Ахиллесъ у алтаря. 57
VIII. Клеопатра 59
IX. Антоній 61
** X. Патмосъ. 63
XI. Орфей и Аргонавты 65

Изъ ада изведенные.

I. Въ полдень 69
II. Портретъ 71
III. Жрицѣ Луны 73
IV. Жрицѣ Луны. 75
V. Кубокъ 77
VI. Молнія 78
VII. Въ застѣнкѣ 79
VIII. Видѣніе крыльевъ. 81
IX. Въ трюмѣ 83
X. Послѣдній пиръ 85
XI. Въ склепѣ. 87
XII. Два голоса 89
XIII. Изъ ада изведенные. 91
XIV. Маргеритъ. 92

Мгновенія.

I. Костра расторгнутая сила. 95
II. Мука сладострастія 96
III. Серафимовъ вереницы 97
IV. Когда мы бывали 98
V. Дай устамъ моимъ приникнуть. 99
VI. Изъ пѣсенъ Мальдуна 101
VII. Прощаніе 103

Повседневность.

Стр.

I. Встрѣча 107
II. На улицѣ 108
III. Въ публичномъ домѣ 109
IV. Въ ресторанѣ. 111
* V. Каменщикъ 112
VI. Въ игорномъ домѣ 113
VII. Въ вагонѣ. 115
VIII. Крысоловъ. 117
IX. Послѣ пира 119
X. Гребцы Триремы 121
* XI. Къ олимпійцамъ 123

Современность.

I. Кинжалъ 127
* II. Къ тихому океану. 129
III. Война 131
IV. На новый 1905 годъ 133
V. Къ согражданамъ 135
VI. Цусима 137
VII. Юлій Цезарь. 139
VIII. Одному изъ братьевъ 141
IX. Знакомая пѣснь 142
** X. Да! цѣпи могутъ быть прекрасны 143
* XI. Паломникамъ свободы 144
XII. Уличный митингъ. 145
XIII. Ликъ Медузы. 147
XIV. Довольнымъ 149
— XV. Грядущіе гунны. 150
XVI. Къ счастливымъ. 152
XVII. Фонарики 154

Лирическія поэмы.

I. Слава толпѣ 159
II. Духи огня 162
III. Въ скверѣ 165
— IV. Конь Блѣдъ 168

Всѣ напѣвы (часть I).

I. Поэту 173
** II. Близкой. 174

Элегіи и буколики.

Стр.

I. Одиночество 176

Вечеровыя пѣсни.

I. Сумерки. 181
II. Февраль. 182
III. У гроба дня 183
IV. Вечеръ среди снѣговъ 184
V. Быть безъ людей 185

На гранитахъ.

I. Къ Швеціи 189
II. На Мэларѣ 191
III. Стокгольмъ 192
IV. На гранитахъ 193
V. Въ морѣ 194
VI. Угрюмый часъ 195
VII. На Готландѣ 196
VIII. Висби. 197
IX. Прибой 199
X. Эхо. 200
XI. Въ шхерахъ 201

Въ полѣ.

I. Вѣкъ за вѣкомъ 205
II. Весенній дождь. 206
III. Августъ 207
IV. Въ лугахъ 209
V. Осеннее прощаніе Эльфа. 211
** VI. Закатъ спокойный и огнистый. 213
VII. Радуга 214

Мгновенія.

I. Часъ воспоминаній 217
II. Который разъ 219
III. Грустный вечеръ 220
IV. Сны 221
V. Усталость 223
VI. Ангелъ благого молчанія 225
VII. Ликорнъ. 227

Эротика.

Стр.

I Отреченіе 231

ΈΡΩΣ ΆΝΙΚΑΤΕ ΜΑΧΑΝ.

I. Встрѣча 235
II. Неизбѣжность 236
III. Ея колѣни 237
IV. Лишь одного 238
V. Къ Пасифаѣ 239
** VI. Ночные цвѣты 240
VII. Призракъ неизбѣжный 241
VIII. Въ потокѣ 243
IX. Благословеніе 244
** X. Потомокъ 246

Мертвая любовь.

I. Ранняя осень 251
II. На нѣжномъ ложѣ 253
III. Снова 255
IV. Холодъ 257
V. Въ полночь 258
VI. Умирающій костеръ 260
VII. Изъ тихихъ безднъ 261

Обреченный.

I. Голосъ 265
II. Отвѣтъ 269
III. Осенью 267
IV. Себастіанъ 268
V. Видѣніе 269
VI. Бой 270
VII. Лунный дьяволъ 271
VIII. La belle dame sans merci 273

Сонаты.

I. Обрядъ ночи 277
II. Возвращеніе 280

Примѣчанія къ томамъ IV и V будутъ помѣщены въ концѣ V тома.

До конца 1914 года

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Полное собраніе будетъ заключать 25 томовъ. Изданіе выпускается въ переплетахъ по спеціальному заказу издательства, печатается на бумагѣ „верже"; каждый томъ будетъ состоять изъ 16—18 печатныхъ листовъ (260—300 стр.).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

ТОМЪ 1. Портретъ автора. Предисловіе къ полному собранію сочиненій и переводовъ. Юношескія стихотворенія. (1-е изданіе). Chefs d'œuvre. (4-е изданіе, значительно дополненное). Me eum esse. (3-е изданіе, значительно дополненное). Въ этотъ томъ вошло около 90 стихотвореній, не включенныхъ въ собраніе „Пути и перепутья". Примѣчанія и варіанты. Спб. 1913 г. Стр. 270 + XI.

ТОМЪ 2. Tertia Vigilia. (3-е изданіе, значительно дополненное). Спб. 1914. Стр. 294 + VIII.

ТОМЪ 3. Urbi et Orbi. (3-е изданіе, значительно дополненное). Спб. 1914 г. Стр. 242 + VIII.

ТОМЪ 4. Stephanos. Вѣнокъ. (3-е изданіе, дополненное). Всѣ Напѣвы. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 5. Зеркало Тѣней (2-е изд., значительно дополненное).

ТОМЪ 6. Sed non satiatus. Восьмая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 7. Девятая Камена. Девятая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 8. Земная Ось. Первая книга разсказовъ. (3-е изданіе, дополненное 5 разсказами).

ТОМЪ 9. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изд.).
ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).
ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книга III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изд.). Спб. 1914 г. Стр. 294.
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Часть I. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Далекіе и близкіе. Часть II. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное, съ 15-ю портретами). Спб. 1914 г. Стр. 296 + XVII.
ТОМЪ 22. Поль Вэрленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхаренъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 руб. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 3 рубля и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой, книги высылаются налож. платежемъ; пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ“, СПБ., Пушкинская, 10.

BINDING SECT. SEP 17 1971

PG
3453
B7
1913a
t.4

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY